

*А. И. Андриевич, И. И. Кондратович (Е. Е. Марченко)
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК СПОРТСМЕНОВ ИГРОВЫХ И НЕИГРОВЫХ ВИДОВ СПОРТА

Спортивная деятельность выступает особым видом активности, в котором с одной стороны обнаруживаются, а с другой – формируются особенности личности. При этом данный вид деятельности имеет не только высокую личностную, но и социальную значимость. Это объясняет актуальность изучения личности спортсменов, практикующих различные виды спорта. Спортивная деятельность, в целом характеризуясь регулярностью чередований тренировочного и соревновательного этапов, обладает спецификой в зависимости от того, является ли она индивидуальной или же командной по своей сути. Актуальным представляется изучение таких особенностей личности у спортсменов, которые могут способствовать/препятствовать успешности достижения результатов. На основе теоретического анализа работ различных исследователей (А.Ц. Пуни, Е.Н. Гогуннов, А.Б. Ильин, С.М. Гордон, Д.С. Щедрин и др.) мы предположили, что у спортсменов, занимающихся игровыми и неигровыми видами спорта могут отличаться социально-психологические установки.

Выборка исследования: 60 спортсменов-мужчин (30 занимающихся игровыми (командными) видами спорта и 30, занимающихся не игровыми (индивидуальными) видами спорта). Спортивный стаж до 14 лет.

Для реализации цели исследования использовалась тест-опросник диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной.

Рассмотрим особенности социально-психологических установок спортсменов *индивидуальных видах спорта*. У большинства представителей этой подгруппы (24 человека, или 79,9% подгруппы) имеется преобладание одной установки. Из числа оставшихся спортсменов индивидуальных видов спорта у двоих (6,6%) одинаково выражены две установки, и у четырёх (13,3%) – по три установки.

По содержанию преобладающих установок получены следующие результаты. Социально-психологическая установка на «процесс» является ведущей у большей части спортсменов, у которых установки выражены неравно (13 из 24 случаев). Следующей по частоте встречаемости (7 из 24 случаев) оказалась установка на «альтруизм». Установки на «результат» как ведущая зафиксирована в 4 из 24 случаев. В свою очередь установка на «эгоизм» ни у одного из спортсменов не была ведущей.

О выраженности различных установок можно судить и по средним значениям. Наиболее выраженной у спортсменов индивидуальных видов спорта является установка на «процесс» (6,23 балла). Это говорит о большей ориентации на сам процесс деятельности и сопровождающий его переживания и в меньшей степени на результат осуществляемой деятельности. Следующей по выраженности у спортсменов оказалась установка на «альтруизм» (5,6 балла), что может говорить об ориентированности респондентов на самоотдачу, порой даже в ущерб себе. Эта ориентация рассматривается как ценная общественная мотивация, наличие которой отличает зрелого человека. В меньшей степени у спортсменов данной подгруппы выражены социально-психологические установки на «результат» (5,4 балла) и «эгоизм» (4,2 балла).

Перейдем к анализу особенностей социально-психологических установок спортсменов *игровых (командных) видов спорта*.

У двадцати одного респондента (69,9%) было выявлено преобладание только одной установки. Менее характерной (8 человек, или 26,6%) оказалась одинаковая выраженность двух установок. И только у одного из респондент этой подгруппы (3,3%) было зафиксирована равная представленность трех установок.

Наиболее часто встречаемой социально-психологической установкой у спортсменов этой подгруппы оказалась установка на «процесс» (7 из 21 случая). Установка на результат в качестве преобладающей выявлена у 5 спортсменов. В паре «альтруизм – эгоизм» зафиксированы следующие частоты: 5 и 4 соответственно.

При анализе средних значений по установкам было обнаружено следующее. Установки на процесс (5,77 балла) и результат (5,66 балла) выражены практически одинаково. В паре «альтруизм – эгоизм» альтруистическая направленность выражена немногим больше (5,03 балла) чем эгоистическая (4,53 балла).

Таким образом, на основе полученных данных можно резюмировать, что для спортсменов индивидуальных видов спорта характерны более заостренные проявления установок «на процесс» и «альтруизм». У спортсменов игровых, т.е. командных видов спорта, изученные установки более сбалансированы.

Можно предположить, что выявленные различия объясняются тем, что совместно разделенный вид деятельности актуализирует у спортсменов необходимость и стремление к пониманию других игроков своей команды. Представленность установок не только на процесс игры, но и на результат также может быть объяснена тем, что при командной игре победа или поражение будет касаться не только одного человека, а и других членов команды.

А. Э. Богданович (Н. Т. Ерчак)
Минск, МГЛУ

АССОЦИАТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ПРИ НАЗЫВАНИИ ДЕЙСТВИЙ ВИДЕОСЮЖЕТОВ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ассоциации оказывают значительное влияние на речемыслительную деятельность человека. Они способствуют структурированию и детализации информации, облегчая понимание как учебного материала, так и окружающего мира в целом. Легкость порождения ассоциаций и их богатство свидетельствуют о наличии упроченной связи между лексическими единицами языка. Например, выпускник Московского государственного лингвистического университета Д. Ю. Петров, известный как ведущий передачи «Полиглот» на телеканале «Культура», активно применяет метод ассоциативного ряда при обучении иностранным языкам. Причем полиглот убежден в том, что свобода предшествует правильности, то есть изначально следует научиться выражать свои мысли посредством иностранного языка, не акцентируя первостепенного внимания на допускаемые ошибки. Методика автора подразумевает изучение базовых грамматических конструкций и наиболее частотно употребляемых лексических единиц. Такой подход созвучен идее Т. Н. Ушаковой, которая рассматривает частотно употребляемую лексику как ядро лексикона в иноязычной коммуникации [1]. Результаты изучения иностранного языка в течении реалити-шоу впечатляют: всего лишь за 16 уроков участники, начиная учить язык с нуля, овладевают базовыми конструкциями повседневной речи, позволяющими им понимать окружающих и быть понятыми.

В настоящем исследовании мы проанализируем роль ассоциаций при порождении высказывания в процессе просмотра видеосюжетов на английском языке. Участниками исследования стали десять магистрантов Минского государственного лингвистического университета, которые изучали английский язык как первый иностранный на протяжении пяти лет. В качестве экспериментального материала выступил видеоряд из сорока сюжетов, в каждом из которых было показано какое-либо действие. Испытуемым нужно было поочередно называть действие, предьявляемое на экране монитора. Время показа каждого сюжета и соответственно его называния ограничивалось шестью секундами и было рассчитано на наличие достаточно успешно сформированного навыка владения языком. Все испытуемые получили достаточно высокий балл (от восьми до десяти) на государственном экзамене по английскому языку за период обучения в вузе. Исследование было проведено в лаборатории психологии Минского государственного лингвистического университета, речевые реакции фикс-

сировались автоматически при помощи профессиональной программы записи и синтеза речи Sound forge.

Анализ речевых реакций выявил следующую особенность: более успешную идентификацию имен существительных в видеоряде сюжетов, нежели предъявляемого действия. Например, видеосюжет, в котором парень снял трубку телефона, был проинтерпретирован одним из испытуемых как *The phone. Nothing happened* 'Телефон. Ничего не произошло'. Уместно обратиться к мнению А. А. Залевской, которая считает, что именно имена существительные, обладая богатой категориальной структурой, воспринимаются индивидом как более информативные единицы, сохраняя при этом основные характеристики объекта [2].

Влияние ассоциативного ряда проявилось в ситуации «Мужчина забил мяч в ворота», которая вызвала реакцию *Some football tricks were performed* 'Были продемонстрированы некоторые футбольные трюки'. Процесс приготовления пищи на гриле побудил к ассоциации организуемой вечеринки: *there's going to be barbecue party* 'Намечается вечеринка барбекю'. А некоторые ситуации и вовсе стимулировали описание возможного результата действия видеосюжета: *Today the guy has been sleeping for 4 hours and still he is not refreshed* 'Сегодня парень спал на протяжении четырех часов, но он еще недостаточно отдохнул'. Ползущая по земле змея ассоциировалась с врагом: *The snake will follow the enemy* 'Змея будет красться за врагом'. С одной стороны, возникаемые ассоциации обобщали воспринимаемое действие, а с другой – способствовали более детальному описанию видеосюжетов. Латентный период всех реакций испытуемых находился в пределах двух секунд, то есть имеются все основания говорить об успешно сформированном навыке порождения фразы средствами английского языка.

Таким образом, процесс называния видеосюжетов при назывании действий характеризовался инициальностью – свободным выбором лексических и грамматических средств выражения мысли, причем богатый ассоциативный ряд значительно облегчал словесное оформление воспринимаемого видеосюжета, что проявилось как в качественном показателе (развернутое описание происходящего действия) так и в количественном (скорость реакции – небольшой латентный период).

Список литературы

1. Ушакова, Т. Н. Рождение слова. Проблемы психологии речи и психолингвистики / Т. Н. Ушакова. – М. : изд-во «Институт психологии РАН», 2011. – 528 с.

2. Залевская, А. А. Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека / А. А. Залевская [и др.]. – Тверь : ТвГУ, 1999. – 190 с.

*Н. И. Бокша (А. В. Северин)
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА

В настоящее время неуклонно увеличивается количество населения, которое можно отнести к пожилым людям. По данным ВОЗ сегодня примерно 20 % населения всей нашей планеты – это лица старше 60 лет. Старение представляет собой естественный и закономерный биологический процесс, который проявляется в эволюционирующем и проявляющемся в течение жизни постепенным снижением возможностей приспособления организма к среде. В связи с тем, что старение приводит к переходу зрелого человека в разряд пожилых, то пожилой возраст является предметом исследования социологии, психологии, медицины, экономики и других отраслей знания [1].

Пожилomu возрасту посвящены работы ученых: Г.С. Абрамовой, Б.Г. Ананьева, Г.И. Борисова, С.М. Жучкова, В.Н. Каменских, А.А. Реана, В.И. Слободчикова, В. Франкла, В.Э. Чудновского и др.

Под психологическим кризисом пожилого возраста следует понимать период, характеризующийся, прежде всего, выходом на пенсию и адаптацией к новой социальной роли. Главной задачей данного кризиса является переосмысление и принятие собственной жизни, того что ничего уже нельзя изменить, и переоценка своего жизненного пути в аспекте конечности жизни [2, с. 128].

В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев определяют пожилой возраст как период кризиса «откровения Инобытия», который охватывает период от 55 до 65 лет и состоит в том, что взгляд человека окончательно обращается внутрь. Кажется, что все ценностные и смысловые ориентиры необходимо пережить заново. Человек начинает готовиться к иному бытию и производит серьезную ревизию прожитой жизни [3].

Согласно Р.М. Грановской, когда пожилой человек для достижения источника радости целиком погружается в свое прошлое, то он теряет будущее, перестает развиваться как личность, затрудняются и теряются контакты с детьми и молодежью [4].

Важнейшими характеристиками пожилого возраста является стремление к осмыслению жизни, подведению итогов своей деятельности. По Э. Эриксону, в пожилом возрасте происходит борьба двух тенденций: цельность личности – отчаяние. Осознание цели и смысла своей жизни помогает человеку воспринять ее как единую, состоящую из ряда этапов личностного роста и становления. В противном случае жизнь кажется прожитой зря, состоящей из мало связанных периодов. Поэтому отчаяние – альтернатива цельности и осмысленности жизни [5].

В интеллектуальной сфере у пожилого человека происходят значительные изменения: появляются трудности в приобретении новых представлений и приспособлении к различным непредвиденным обстоятельствам: тем, которые легко преодолевались в молодые годы (смена квартиры; болезнь), или прежде не встречавшимся трудностям – смерть супруга; паралич и т.д. Относительная замкнутость, снижение интересов и притязаний к внешнему миру, эгоцентризм, снижение эмоционального контроля, «заострение» некоторых личностных черт и др. Также характерны специфические изменения и в эмоциональной сфере: неконтролируемое усиление аффективных реакций, склонность к беспричинной грусти, слезливости. У большинства пожилых появляется тенденция к эксцентричности, уменьшению чуткости, погружению в себя и снижению способности справляться со сложными жизненными ситуациями. Ослабление эмоциональной сферы лишает новые впечатления красочности и яркости, отсюда – привязанность пожилых людей к прошлому, власть воспоминаний [6, с. 172–174].

Типичным для пожилого возраста является *возрастно-ситуационная депрессия* – равномерное стойкое понижение настроения, которое выражается в виде: чувства пустоты, ненужности, неинтересности всего происходящего, остро негативного восприятия собственного будущего [7].

В. Франкл отмечает, что осознание смысла жизни является необходимым условием сохранения пожилыми людьми психического здоровья и сохранности личности, активизирует сопротивление объективным условиям и обстоятельствам при реализации поставленной цели, также способствует сохранению социальных связей, так как смысл жизни переживается о как «причастность жизни» и эти переживания независимы от внешних и внутренних обстоятельств [8].

Завершение кризиса пожилого возраста связано с решением вопроса о том, чем заполнить свою жизнь. Пожилым важно осознать себя в новой роли, в новом психофизиологическом статусе и в результате такого осмысления сформировать у себя чувство целостности и гармоничности своей жизни. Необходимо понимать, что в пожилом возрасте значительно снижается или прекращается трудовая активность. На передний план вы-

ступают вопросы осмысления прожитой жизни, выстраивание отношения с родными и выбор стратегий преодоления жизненных трудностей:

– пожилые люди могут осмысливать происходящее, радоваться жизни, вести активный образ жизни, ощущать нужность обществу и близким людям;

– пожилые люди могут разочаровываться жизнью, негативно относиться к себе и окружающим, у них может возникнуть чувство беспомощности и ненужности, ощущение социального одиночества и краха всей прожитой жизни.

Вышеизложенное указывает на актуальность исследования пожилых людей. Выявление направленности социальной активности, общего отношения к миру и к себе, поведения и общения, эмоций – все это характеризует процесс адаптации и принятия/непринятия жизни, ее конечности и мудрости у пожилых. Склонность пожилых к позитивному или негативному восприятию жизни, их склонность к оптимизму или пессимизму, зависит не только от условий их жизни, но и от их личного, субъективного отношения к своей жизни, своему месту в жизни других, своей значимости, от индивидуальной способности радоваться жизни, находить в ней новое и интересное. Учет и своевременная диагностика личностных изменений, происходящих у пожилых людей, будет содействовать их лучшей адаптации к социуму и радостному принятию итога прожитой жизни, снижению остроты эмоциональных переживаний и поддержанию социальных контактов с близкими и другими людьми, возможно повышению некоторой социальной активности в обществе.

Список литературы

1. Краснова, О. В. Социальная психология старения / О. В. Краснова, А. Г. Лидерс. – М. : Академия, 2002. – 288 с.
2. Рыбинская, А. В. Психологические характеристики кризиса пожилого возраста / А. В. Рыбинская // Вестник ТГУ. – 2013. – № 7 (123). – С. 128–132.
3. Слободчиков, В. И. Психология развития человека / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. – М. : Школьная пресса, 2000. – 415 с.
4. Грановская, Р. М. Элементы практической психологии / Р. М. Грановская. – СПб. : Речь, 2010. – 656 с.
5. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М. : Прогресс, 1996. – 344 с.
6. Силивоник, Е. В. Психологический аспект личности пожилого человека / Е. В. Силивоник // Ученые записки РГСУ. Социальная педагогика и психология. – 2013. – № 2. – С. 169–174.

7. Палагина, Н. Н. Психология развития и возрастная психология / Н. Н. Палагина. – М. :МПСИ, 2005. – 288 с.

8. Франкл, В. Поиск смысла жизни и логотерапия / В. Франкл // Психология личности. Тексты. – М. : Наука, 1982. – С. 14–21.

*А. С. Бриштань (О. В. Гордиюк)
Минск, БГПУ имени М. Танка*

ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ НА СТАНОВЛЕНИЕ САМООЦЕНКИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Проблема самооценки как одна из центральных проблем психологии личности изучалась в трудах различных отечественных и зарубежных психологов. Среди них можно выделить следующих авторов: Ананьев Б. Г., Бандура А., Брандер Н., Выготский Л. С., Леонтьев А. Н., Лисина М. И., Маслоу В., Роджерс К., Рубинштейн С. Л., Сатир В., Фрейд З., Шорохова Е. В. и др.

Исследуя структуру самооценки, психологи выделяют в ней в качестве основных когнитивные (познавательные) и аффективные (эмоциональные) компоненты. Они есть и в самооценке ребёнка. В основе когнитивного компонента самооценки – сравнение себя с другими, сопоставление собственных качеств с выработанными эталонами. Аффективный же компонент самооценки (он превалирует у дошкольников) выражает отношение человека к себе, уровень его удовлетворённости собой. С точки зрения Захаровой В. А., при достаточном развитии обоих компонентов самооценка выполняет такую важную функцию, как функция регулятора поведения, деятельности [8].

Одним из важнейших факторов, оказывающим влияние на формирование самооценки ребенка, является семья. Родившийся ребенок не имеет представления о себе и окружающим мире, о том, как надо себя вести, у него нет критерия самооценки. Ребенок опирается на опыт окружающих его взрослых, на оценки, данные ему. До 5–6 лет его самооценка формируется исключительно под воздействием той информации, которую он получает в семье [7].

Исследования Леонтьева А. Н., Лурии А. Р., Эльконина Д. Б. и других психологов показали, что психическое развитие ребенка определяется его эмоциональным контактом и особенностями сотрудничества с родителями. На детско-родительских отношениях сказывается тип семьи, позиция, которую занимают взрослые, стили отношений и та роль, которую они отводят ребенку в семье. Под влиянием типа родительских отношений формируется личность ребенка [1; 6].

Балинский И. М., Захаров А. И., Сихорский И. А. утверждают, что родительские отношения могут выступать в качестве положительного или отрицательного фактора влияния на самооценку ребёнка. При этом взаимоотношения в семье могут иметь разноплановый характер, а использование неэффективного типа родительского отношения ведет к возникновению неадекватной самооценки у ребенка [4; 5].

Зайцевым Д. В. были выделены четыре родительские установки и соответствующие им типы поведения: «принятие и любовь», «явное отвержение», «излишняя требовательность», «чрезмерная опека», а также была прослежена определенная зависимость между поведением родителей и поведением детей. Так, например, «принятие и любовь» порождают в ребенке чувство безопасности и способствуют нормальному развитию личности, в то время как «явное отвержение» ведет к агрессивности и эмоциональному недоразвитию [3].

Долгова В. И. и Кузнецова О. И. отмечают, что дети с четким представлением о себе обладают высокой самооценкой и воспитываются в семьях, где родители используют демократический стиль в воспитании, уделяют ребенку много времени, адекватно оценивают его физические и умственные способности, не считая, что степень его развития выше, чем у их сверстников. Такого ребенка часто награждают, но не подарками. Наказывают, чаще всего, отказом от общения с ним [2].

Ребенок с низкой самооценкой растет в семье, которая пользуется авторитарным, либеральным или же хаотическим стилем воспитания. С ребенком совсем не занимаются, однако призывают к полному повиновению (особенно это касается авторитарного типа воспитания). Низко оценивают, нередко попрекают, наказывают, иногда, при посторонних людях, не ждут от него успехов и достижений в дальнейшей жизни [2].

Для изучения влияния семьи на становление самооценки детей дошкольного возраста нами была использована методика «Рисунок семьи» Рассел К., Ширн Ч. [9]. В исследовании принимали участие 19 детей старшего дошкольного возраста одного из учреждений дошкольного образования г. Минска (ГУО ДЦРР № 544 «Непоседы»).

Удалось выяснить, что в семьях, где присутствовали захваливание ребёнка, поощрение за мелочи и достижения в виде материальных подарков, отсутствует наказание или оно минимально. Кроме того, в таких семьях наблюдается низкий уровень контроля и требований. Родитель стремится к удовлетворению всех потребностей ребенка. У детей, воспитывающихся в таких семьях, отмечается завышенная самооценка (42,1%). Наличие в семье отношения к ребёнку как к «неудачнику» также может стать причиной завышенной самооценки, которая в этом случае имеет защитную функцию, оторванную от реального поведения. Таким образом, завышен-

ная самооценка компенсирует негативный опыт общения ребенка с родителями и защищает его от неуспеха.

У детей с адекватной самооценкой (43,2 %) воспитание в семье характеризуется наличием доверительных, теплых отношений с родителями и одновременно требовательностью и строгой дисциплиной, уважением и относительной автономией ребёнка. Родители поощряют любые самостоятельные начинания ребёнка, уделяют ему должное внимание, проявляют любовь и понимание.

Дети с низкой самооценкой (14,7%), выраженным чувством собственной изолированности и ненужности, малой социальной активностью и неудовлетворенностью в межличностных контактах имели негативный опыт внутрисемейных отношений. В семьях преобладали «воспитательные» рациональные воздействия над непосредственным эмоциональным отношением, наказание применялось как основной способ контроля, отсутствовала четкая воспитательная программа. Излишняя опека, чрезмерный контроль, несоответствие поведения ребенка ожиданиям родителей оказывали негативное влияние на формирование его личности, лишали ребёнка инициативности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на становление самооценки детей дошкольного возраста в первую очередь влияет семья, в которой воспитывается ребёнок, поскольку родители формируют у него определенные личностные ценности, идеалы и эталоны, а оценки, которые ребенок получает от родителей, интериоризируются, становятся его собственными оценками.

Список литературы

1. Божович, Л. И. Этапы формирования личности в онтогенезе / Л. И. Божович / Вопросы психологии. – 1998. – № 4. – С. 47.
2. Долгова, В. И. Формирование самооценки у детей старшего дошкольного возраста [Электронный ресурс] / В. И. Долгова, О. И. Кузнецова / Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 44. – С. 65–72. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/56977.htm>.
3. Зайцев, Д. В. Социологический анализ современной семьи / Д. В. Зайцев / Дефектология. – 2001. – № 6. – С. 3–10.
4. Ковалев, А. Г. Психология семейного воспитания / А. Г. Ковалев. – М. : Высшая школа, 1980. – 215 с.
5. Лесгафт, П. Ф. Семейное воспитание ребенка и его значение / П. Ф. Лесгафт. – М. : Педагогика, 1991. – 176 с.
6. Репина, Т. А. Общение детей в детском саду и семье. / Т. А. Репина, Р. В. Стеркина. – М. : Педагогика, 2006. – 396 с.

7. Сарджвеладзе, Н. И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой / Сарджвеладзе Н.И. – Тбилиси, 1999. – 162 с.

8. Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии; под ред. И. И. Ильясова, В. Я. Ляудис. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 190 с.

9. Ширн, Ч. «Рисунок семьи» как метод изучения детско-родительских взаимоотношений / Ч. Ширн, К. Расселл / Проективная психология. – Москва, 2000. – С. 345–355.

*А. Д. Володько (С. Л. Ящук)
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*

ПЕРЕЖИВАНИЕ СЧАСТЬЯ У ВЗРОСЛЫХ С РАЗНОЙ ЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИЕЙ

Счастье как психологический феномен является одной из центральных проблем современной психологической науки. Наибольшее количество зарубежных теоретических и эмпирических исследований по этой проблеме в настоящее время существует в рамках социальной, экзистенциальной, гуманистической и позитивной психологии.

У каждого человека возникают разного рода потребности: пища, сон, безопасность, взаимодействие с другими людьми и т.д. Однако у человека также возникают потребности в саморазвитии, познании себя, обретении смысла жизни, потребность в счастье. Возникновение таких потребностей происходит на разном этапе осознанности собственной жизни, умении взаимодействовать с окружающими и самим собой, способности принимать свободные решения.

В последнем случае следует говорить об экзистенциальных мотивациях как о возможности сохранить внутреннюю сбалансированность, способность развиваться и получать удовольствие от жизни.

Термин «экзистенция» означает «специфически человеческий способ бытия», основной характеристикой которого является свобода выбора: «Свободное бытие человека мы называем также экзистенцией».

Другим значимым аспектом продуктивной жизни человека является переживание счастья, которое выступает в качестве важнейшего внутреннего фактора, определяющего социальную активность человека, его отношение к самому себе как к личности, состояние сознания, настроение, ожидания, а также того, каким смыслом человек наполняет своё существование.

Б. Фрейд и А. Штуцер полагают, что «счастье» можно оценить тремя способами. Первый способ направлен на опрос населения по поводу ощущения себя счастливым в целом и удовлетворенности различными сторо-

нами жизни. Второй способ принадлежит к области медицины и предполагает анализ мозговой активности. Третий способ – анализ поведения и эмоционального состояния человека несколько раз в день на протяжении длительного времени.

И. А. Джидарьян выделяет 3 типа проявления счастья: «гедонистический», «смысложизненный» и «настороженно-оборонительный».

Для решения проблемы удовлетворения всякого рода потребностей (как низших, так и высших), в последние годы актуальным является вопрос изучения переживания счастья у людей с разной экзистенциальной мотивацией.

В ходе изучения литературы по данной проблеме нами было отмечено следующее.

В концепции А. Лэнгле описаны фундаментальные мотивации (ФМ) человека, которые должны быть осуществлены для того, чтобы экзистенция состоялась (условия экзистенции). Базисом экзистенциальных мотиваций является способность человека принимать свободные решения. Согласно А. Лэнгле, мотивация возникает в процессе диалогического обмена человека с миром, в котором присутствуют четыре фундаментальные данности бытия: мир с его условиями и возможностями; жизнь с ее отношениями и чувствами; бытие с самим собой как уникальной, автономной личностью; будущее с присутствующим ему призывом к действию.

Осуществить экзистенцию означает найти внутреннее согласие (сказать «Да») по отношению к четырем аспектам:

- Да – миру,
- Да – жизни,
- Да – Person,
- Да – смыслу.

Следует отметить, что в данной концепции выделяют понятие экзистенциальной исполненности (ЭИ). Общий показатель ЭИ определяется как сумма показателей по четырем ФМ.

М. Аргайл считает, что счастье – единый фактор человеческого опыта, однако оно состоит из трех, отчасти независимых факторов: удовлетворенности жизнью, наличия положительных эмоций и отсутствия отрицательных. Утверждается, что способность чувствовать себя счастливым является врожденной характеристикой человека. Предположительно, эта склонность к счастью определяется специфической структурой личности, характеризующейся определенным соотношением черт личности. В эту структуру входят экстраверсия – интроверсия, нейротизм, тревожность, самооценка. Имеют значение также контроль и наличие цели в жизни.

Жизнь человека пронизана экстремальными, стрессовыми, нестандартными ситуациями. Такое положение вытекает из экономических, экологических, политических, социально-психологических явлений и процессов обще-

ства. Для того, чтобы приспособиться к такому напряжению, рационально использовать свои знания, умения и навыки, а также максимально реализовать себя, современному человеку нужно формировать и развивать пути преодоления трудностей, вырабатывать такой способ поведения и такие личностные качества, которые способствовали бы самореализации индивида в этих непростых условиях. Далеко не каждый способен, постоянно пребывая в таких непростых условиях, чувствовать себя расслабленно, чувствовать удовлетворённость от жизни, ощущать себя счастливым.

Таким образом, счастье представляет собой эмоциональный феномен психической жизни человека, на переживание и восприятие которого оказывают влияние личностные свойства и черты характера конкретного человека. Источниками счастья, эмоциональными составляющими которого являются радость и восторг, как правило, выступают общение с другими людьми, материальное благосостояние, профессиональная деятельность, досуговая деятельность, достижение значимых жизненных целей, реализация ценностей, принципов. Счастье не является самоцелью, но выступает в качестве фундаментальной ценности в ценностной иерархии личности, при этом подчиняя себе определённые виды деятельности.

Исходя из анализа литературы, можно предположить, что по показателям экзистенциальной мотивации можно судить о том, насколько человек счастлив, т.е. зависимости от типа мотивации (или же от уровня ЭИ) показатели счастья будут различны. Для проверки теоретической гипотезы планируется исследование на предмет изучения особенностей переживания счастья людьми с разной экзистенциальной мотивацией. В качестве методов исследования предполагается использовать тест «Шкала экзистенции» А. Лэнгле и К. Орглер и методику «Оксфордский опросник счастья» М. Аргайла. Практическая значимость работы будет заключаться в том, что полученные результаты позволят расширить представления о факторах и условиях, влияющих на переживание счастья и важности экзистенциальных мотиваций для личности. Полученные результаты могут использоваться в работе психологов с жизненными кризисами, внутриличностными конфликтами.

А. Н. Воробей (Т. В. Васильева)
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

ЧУВСТВО ВЗРОСЛОСТИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

В современной социокультурной среде наблюдается тенденция, заключающаяся в том, что современные подростки находятся в состоянии неопределённости, что связано, как мы считаем, с современной средой. Современная среда является очень плюралистичной, что проявляется в её перенасыщенности разными ценностями, идеалами, убеждениями и т.д. В такой среде растущей подростку трудно формировать своё самосознание и идентичность. Из трудов выдающегося советского психолога Л.С. Выготского мы знаем, что среда является тем контекстом, который формирует внутреннее содержание личности человека. Социальная ситуация развития предъявляет подростку определённые требования, решение которых приводит к тому, что личность подростка развивается, переходя на новый уровень развития. Возникшая в конце младшего школьного возраста рефлексия, является тем инструментом, при помощи которого подросток начинает познавать окружающих и через познание окружающих познаёт и самого себя. Он начинает примерять на себе разные социальные роли, отождествляя себя с определёнными личностями, ищет значимые лица и т.д. Тем самым подросток начинает идентифицировать себя в социальном пространстве. Все эти аспекты затрудняются, так как современный подросток находится в конструкции «богатства выбора», где у него нет каких-то чётких эталонов того, кем он может быть и есть множество путей того, кем он может быть и кем он хочет стать. Познание самого себя и определение того, кем я хочу и могу быть – это один из важных аспектов в познании личностью себя.

Подростковый возраст является одним из трудных периодов в становлении личности человека. В психологических исследованиях подчеркивается, что ключевым аспектом развития личности подростка является становление его самосознания. Этот процесс обозначен в различных психологических теориях различными понятиями, такими как идентичность, Я-концепция, образ-Я, чувство взрослости. Рассмотрим содержание этих понятий.

Проблема становления идентичности подростков в явной форме обозначена Э. Эриксонем, под которой он понимал тождественность человека самому себе. Согласно Э. Эриксону, человек на протяжении своей жизни проживает 8 стадий психосоциального развития, каждая из которых характеризуется психосоциальным кризисом. Также в своей концепции Э. Эриксон выделяет подростковый возраст как ключевой в развитии эго-

идентичности (личностной идентичности) которое является субъективным чувством целостности, непрерывности и устойчивости «Я».

Самосознание в психологической литературе рассматривается прежде всего как процесс, с помощью которого человек познает себя. Самосознание характеризуется также своим продуктом – представлением о себе, Я-образом или Я-концепцией. Я-концепция – это совокупность всех представлений индивида о себе, сопряженная с их оценкой [1].

Образ своего Я, можно рассмотреть и как совокупность установок, направленных на самого себя. В структуре образа Я выделяются следующие компоненты: *когнитивный* – образ своих качеств, способностей, внешности и социальной значимости (самосознание); *эмоциональный* – аффективная оценка Я-образа, которая проявляется в самоуважении, себялюбии или самоуничижении; *оценочно-волевой* – потенциальная поведенческая реакция, т.е. конкретные действия, которые могут быть вызваны образом "Я" и самооценкой (это и стремление повысить свою самооценку, завоевать уважение).

Каждый из компонентов образа Я проявляется у подростков в чувстве взрослости. Чувство взрослости как новообразование подросткового возраста изучали Т.В. Драгунова и Д.Б. Эльконин [2]. Чувство взрослости этими авторами понимается как отношение подростка к самому себе уже как к взрослому, его представление или ощущение себя в известной мере взрослым. Данный феномен проявляется в поведении, где это чётко прослеживается в исследовании этих учёных. В нём в процессе наблюдения за подростками были выявлены характеристики каждого из видов чувства взрослости. Эти характеристики были основным материалом для сравнительного анализа, а в последующем и для выделения видов чувства взрослости: социально-моральная взрослость, интеллектуальная взрослость, взрослость подростков в романтических отношениях и взрослость во внешнем облике и манере поведения. Социально-моральная взрослость проявляется в отношениях со взрослым – в фактах серьезного участия подростка, в заботах о благополучии его семьи и ее членов, в систематической помощи взрослым и даже в из поддержке, в участии в жизни семьи уже на правах взрослого человека. Интеллектуальная взрослость характеризуется наличием у подростков элементов самообразования: самостоятельное усвоение знаний не только по школьной программе, но и за ее пределами. Взрослость подростков в романтических отношениях со сверстниками другого пола проявляется не столько в форме, в которую выливаются эти отношения. А в том, что они назначаются друг другу свидания и развлекаются, как взрослые: ездят в парк и за город, устраивают вечеринки, танцуют дома и даже в общественных местах. Взрослость во внешнем облике и манере поведения, которые выражаются в сходстве со взрослыми: следуют моде в одежде и

прическе, усваивают взрослую манеру ходить и разговаривать, употребляют вульгарные выражения и модные словечки, мальчики начинают курить.

Обзор содержания понятий Я-концепция, образ-Я, идентичность и чувство взрослости позволяют нам рассматривать возникновение у подростков чувства взрослости как проявление становления их идентичности, содержательную и эмоциональную сторону этого феномена рассматривать как выражение когнитивного и аффективного компонентов образа-Я, а его функционирование в регуляции поведения подростков рассматривать как выражение поведенческого компонента образа Я. Эти выводы могут стать основанием для исследования функционирования чувства взрослости в личностной саморегуляции современных подростков.

Список литературы

1. Бодалёв, А. А. Общая психодиагностика / А. А. Бодалёв, В. В. Столин. – СПб. : Изд-во «Речь», 2000. – 440 с.

2. Эльконин, Д. Б. Драгунова, Т. В. Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков / Д. Б. Эльконин, Т. В. Драгунова. – М. : Просвещение, 1967. – 360 с.

*К. С. Дзевульская (Н. А. Окулич)
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК О РОДИТЕЛЬСТВЕ

За последние полвека институт семьи претерпел значительные изменения: на смену традиционной, патриархальной, и детоцентрической семье пришел новый тип семьи – супружеская. Последний тип семьи характеризуется стремлением супругов к личностной и профессиональной самореализации, к удовлетворению своих личных потребностей, что не могло не отразиться на детско-родительских отношениях. В частности, современные хорошо образованные матери с достаточно высоким доходом, относительно поздно родившие первого ребенка, стремятся продолжить свою профессиональную карьеру и предпочитают нанять няню для ухода за ребенком. Более того, популярным трендом среди современных супругов является решение отложить рождение детей, вовсе отказаться от него или, наоборот, настойчивое желание иметь детей вопреки медицинским осложнениям посредством ЭКО или усыновления. Все это откладывает отпечаток и на институте родительства. Стремление мужчин и женщин к равенству гендерных ролей, рост уровня образованности и возмож-

ностей карьерного продвижения способствуют тому, что ценность родительства начинает конкурировать с ценностью профессиональной и жизненной успешности индивида. Исследователи современного родительства (С. П. Акутина, А. Я. Варга, С. И. Голод, М. О. Ермихина, Е.А. Нестерова, Р. В. Овчарова, К. Н. Поливанова, А.С. Спиваковская; В. Сатир, С. Стиффелман и др.) изучают проблему осознанного, ответственного, эффективного, родительства и отмечают, что молодые родители часто больше сосредоточены на выполнении своих функциональных родительских обязанностей (заботятся о материальных благах и комфорте ребенка, стремятся минимизировать неприятные моменты, проявляя повышенную требовательность и гиперопеку), но не уделяют должного внимания эмоциональному контакту с детьми, не осознают ценности родительства как возможности для самореализации. Следовательно, изучение содержания представлений о родительстве у современной молодежи как будущих родителей является актуальным, поскольку позволит судить сформированности у подрастающего поколения психологической готовности к родительству и наметить пути работы по ее формированию.

По определению Р. В. Овчаровой, родительство – это социально-психологический феномен, который представляет собой эмоционально и оценочно окрашенную совокупность знаний и убеждений относительно себя как родителя, реализуемую во всех проявлениях поведенческой составляющей родительства. Это интегральное психологическое образование личности, выступающее как система ценностных ориентаций родителя, его установок и ожиданий, отношений и позиций, родительской ответственности и стиля семейного воспитания.

Цель исследования – выявить содержание представлений юношей и девушек о родительстве.

В качестве основного метода исследования использовалась методика «Сознательное родительство» Р. В. Овчаровой, М. С. Ермихиной.

В исследовании участвовало 60 обучающихся 10-11 классов (30 юношей и 30 девушек) в возрасте от 16 до 18 лет.

Анализ полученных данных исследования показал степень осознанности (максимальный балл – 30) у юношей и девушек следующих компонентов родительства: родительское отношение, родительские позиции, родительские чувства, родительская ответственность, родительские установки и ожидания, семейные ценности, стиль семейного воспитания. Полученные результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты методики «Сознательное родительство»

Компонент родительства	Выраженность в баллах	
	Девушки	Юноши

родительское отношение	18	15,7
родительские позиции	13,9	8,7
родительские чувства	19,1	16,3
родительская ответственность	20,9	9,4
родительские установки и ожидания	18,1	17,2
семейные ценности	19,5	13,6
стиль семейного воспитания	19,6	12

Как видно из таблицы, у юношей и девушек присутствует сходство в степени осознанности таких компонентов родительства, как родительское отношение и родительские установки и ожидания, т.е. респонденты осознают ценность родительства и значимость родительской роли, связи отца и матери с ребенком и необходимость наличия родительской любви к нему; у них присутствуют определенные представления о том, каким должен быть родитель, т.е. какие требования, обязанности на него накладываются обществом для обеспечения благополучия ребенка.

Выявлены различия в степени осознанности юношами и девушками следующих компонентов родительства: родительские позиции, родительская ответственность, семейные ценности, стиль семейного воспитания – у девушек перечисленные составляющие родительства более осознанны, чем у юношей. Это объясняется тем, что родительство – социально-психологическое личностное образование, конкретное содержание которого обусловлено усвоенными ребенком моделями родительства в родительской семье, в обществе, транслируемыми социумом репродуктивными установками, требованиям к гендерным ролям, демографической политикой государства, собственным опытом родительства и т.п. Поэтому у девушек в целом представления о родительстве более содержательные и более осознанные, чем у юношей: они видят себя в роли матери, демонстрируют готовность общаться с ребенком, заботиться о нем, воспитывать, нести за него ответственность. У юношей представления о родительстве, о родительской роли недостаточно сформированы, они не уверены в себе как в родителе, не знают, какими средствами, приемами эффективнее воздействовать на ребенка в ходе осуществления воспитывающей деятельности; не спешат брать на себя родительскую ответственность, связанную прежде всего с материальным обеспечением семьи; семья не является для них приоритетом.

Для оценки статистической значимости выделенных различий использовался Т-критерий Стьюдента. Были выявлены статистически значимые различия между юношами и девушками в степени осознанности следующих компонентов родительства: родительские позиции, родительские чувства, родительская ответственность, семейные ценности стиль, семейного воспитания.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что юношей и девушек есть представления о родительстве как институте социализации ребенка и о родительской роли как одной из семейных ролей. При этом если у девушек отмечается осознание ценности родительства, ответственности за исполнение родительской роли, сформированы представления о том, как именно осуществлять воспитывающую деятельность, то у юношей родительство не является приоритетной целью в жизни и соответствующие компоненты родительства не сформированы. Последнее на фоне кризиса института отцовства указывает на необходимость дополнительных исследований в области сформированности у мужчин основных компонентов родительства и готовности к отцовству.

*М. Н. Душейко (О. В. Леганькова)
Минск, БГПУ*

РАЗВИТИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ КАК ВАЖНОГО КАЧЕСТВА СУБЪЕКТНОСТИ В ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Становление общества неразрывно связано с осмыслением изменения роли человека в мире в рамках наук о человеке. Современные подходы к пониманию развития личности в процессах социализации и индивидуализации опираются на субъектную парадигму (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, К. А. Абульханова-Славская, В. И. Слободчиков, В. А. Петровский) [1].

Принцип субъектности становится одним из методологических оснований изменений характеризующих развитие системы образования. На современном этапе общественного развития актуальным становится ориентация процесса воспитания на становление и развитие субъектных качеств обучающегося, субъектной позиции. Задачей педагогических работников на любом уровне образования становится поддержка и развитие обучающихся как субъектов собственной жизни.

Субъектность в контексте педагогической психологии понимается как способность воспитанника проявлять качества субъекта (инициатива, ответственность, самостоятельность и пр.), основным критерием является осознанная активность как главная черта человеческого Я [2].

Субъектность человека проявляется, прежде всего, в демонстрации собственного личностного отношения к объектам, формировании отношений и регулирование активности на основании их системы. Результаты актуальных исследований свидетельствуют о возрастающей субъектности современных детей дошкольного возраста [3].

Одним из наиболее важных параметров субъектности в период детства является самостоятельность детей. Развитие самостоятельности в дошкольном возрасте неотъемлемая часть становления личности, основа расширения, усложнения её взаимоотношений с окружающими. Ребенок становится всё более независимым от взрослых. Это дает возможность более полно и глубоко осознать себя и окружающих, формировать собственную систему отношений и реализовывать её в самостоятельной активности [4].

Современные подходы к оценке качества дошкольного образования зачастую связаны с оценкой развивающего потенциала образовательной среды учреждения с точки зрения формирования субъектности всех участников образовательного процесса. Представим результаты исследования становления самостоятельности детей в условиях разных образовательных сред, реализованного автором в 2017–2018 годах.

Исследование проводилось на базе ЧУО детский сад «Как дома», ГУО «Ясли-сад № 321 г. Минска». Экспериментальная группа состояла из детей дошкольного возраста от 3-х до 6-ти лет (1-я подгруппа 3–4 года, 2-я подгруппа 5–6 лет). Спецификой данной группы является её разновозрастное наполнение, а также использование элементов педагогики Марии Монтессори. Контрольные группы состояли из детей младшего дошкольного возраста (8 человек в возрасте 3–4-х лет) и детей старшего дошкольного возраста (7 человек в возрасте 5–6-ти лет). Экспериментальная и контрольная группы (всего 30 детей) выступили в качестве участников естественного эксперимента.

В качестве диагностирующего инструментария были использованы:

1. Структурированное наблюдение за детьми в естественных условиях. Основанием для выделения критериев послужила методика А. М. Щетининой и её карта проявлений самостоятельности, а также уровни самостоятельности, выделенные М. Н. Поляковой.

2. Проективная методика диагностики «автономности-зависимости» у дошкольников (С. В. Хусаинова, Г. С. Прыгин). Предназначена для определения степени автономности ребенка и представляет собой шкалу «автономности», включающую в себя все свойства этого типа субъектной саморегуляции.

3. Методика «Конструирование» (С. Забрамная). Предназначена для выявления уровня развития самостоятельности дошкольников в конструктивной деятельности.

Обобщив полученные по разным методикам данные можно отметить, что существуют поло-возрастные закономерности в развитии самостоятельности. Можно сделать вывод о том, что девочки имеют более высокий уровень самостоятельности в организованной деятельности, в силу своего более высокого познавательного и личностного развития. У маль-

чиков более высокий уровень проявляется при организации собственной активности, в принятии решений.

Были получены данные о том, что более высокий уровень самостоятельности в различных видах деятельности и личностные проявления самостоятельности имеют испытуемые, обучающиеся в условиях разновозрастной группы, использующей элементы Монтессори-педагогике. Существенная разница прослеживается между преобладающим типом субъектной саморегуляции произвольной активности детей экспериментальной и контрольной групп. В экспериментальной группе у 53 % испытуемых, отмечается «смешанный» тип саморегуляции, у 47 % – «зависимый» тип. В контрольной группе «смешанный» тип отмечается у 27 %, «зависимый» тип – у 73 %.

В течение реализации исследования уровень самостоятельности детей в деятельности и на личностном уровне, вырос как в экспериментальной, так и в контрольной группе. Однако динамика роста в экспериментальной группе более выражена, что позволяет говорить о том, что условия разновозрастной группы использующей элементы педагогики Марии Монтессори в большей мере способствовали развитию самостоятельности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что важным условием развития самостоятельности детей дошкольного возраста, как важного признака субъектности, являются параметры образовательной среды, которые опосредуют реализацию содержания образования. Под развивающей средой понимается не только предметное наполнение, она должна представлять определённую систему взаимодействия её субъектов. Условия разновозрастной группы имеют ряд значительных преимуществ в развитии самостоятельности детей дошкольного возраста: взаимодействие может строиться по методу взаимного обучения (старшие обучают младших); возрастает разнообразие позиций для взаимодействия в разных видах деятельности; расширяется диапазон навыков социального поведения и другие.

Список литературы

1. Абульханов, К. А. Принцип субъекта в отечественной психологии / К. А. Абульханова / Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2005. – Т. 2. – № 4. – С. 3 – 21.

2. Шустова, И. Ю Ориентация педагога как воспитателя на субъектную позицию воспитанника в контексте изменений современного образования / И. Ю. Шустова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2017. – Т. 6. – № 2(19). – С. 203 – 206.

3. Гогоберидзе, А. Г. Проблема исследования и познания ребенка дошкольного возраста как субъекта деятельности и поведения [Электронный ресурс] / А. Г. Гогоберидзе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Серия. Педагогика. –

2009. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-issledovaniya-i-poznaniya-rebenka-doshkolnogo-vozrasta-kak-subekta-deyatelnosti-i-povedeniya>. – Дата доступа: 27.11.2017.

4. Урунтаева, Г. А. Психология дошкольного возраста: учебник для студентов учреждений высшего профессионального образования, обучающихся по направлению подготовки «Психолого-педагогическое образование» / Г. А. Урунтаева. – 3-е изд., стереотипное. – Москва : Академия, 2014. – 268 с.

*Е. С. Ерохова (Н. Г. Новак)
Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины*

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ НЕБЛАГОПОЛУЧИЕ ПОДРОСТКОВ С ХРОНИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

Согласно современным статистическим данным, в последнее десятилетие наблюдается увеличение болезней и развитие хронических заболеваний у современных подростков. Анализ опыта международных исследований показывает, что примерно у 30 % школьников выявлено существенное превышение допустимого для данной возрастной категории уровня эмоционального неблагополучия и депрессивности. Аналогичные показатели, полученные исследователями на выборке западноевропейских и североамериканских подростков, оказались значительно ниже [1]. В связи с этим для психологической практики актуальной становится проблема создания социально-психологических условий обеспечения психоэмоционального благополучия подростков. Своевременная и качественная диагностика подобного неблагополучия, адекватные коррекционные меры могут воспрепятствовать возникновению нежелательных тенденций в развитии личности, появлению различных форм отклоняющегося поведения, трудностям в учебной и внешкольной деятельности подростка.

Эмоциональное благополучие (неблагополучие) в психологии рассматривается как качественный критерий оценки эмоционального состояния личности. В психолого-педагогической литературе нет единого определения данного понятия, но в то же время исследователи эмоциональной сферы человека к сущностным характеристикам эмоционального благополучия относят нормальный уровень ситуативной и личностной тревожности, оптимальный уровень активности и работоспособности, возможность и готовность адекватно действовать в различных жизненных ситуациях, достаточно высокую самооценку.

Традиционно категория «эмоциональное благополучие» рассматривается в рамках теорий эмоций в качестве синонима при изучении смежных понятий: «положительный нервно-психический тон» (В. М. Бехтерев), «удовольствие, радость» (К. Изард), «счастье» (М. Аргайл) и содержательно тесно связана с такими терминами, как «эмоциональное здоровье», «психическое благополучие», «удовлетворенность жизнью», «субъективная оценка качества жизни». В научном плане – это сложный феномен, многомерный и многоуровневый, а в индивидуальном аспекте – динамичным и многогранным, поскольку его интерпретация меняется на протяжении жизненного пути личности и в зависимости от социальной группы, к которой он принадлежит.

В настоящее время эмоциональное благополучие (неблагополучие) рассматривают в разных психологических направлениях, которые дополняют друг друга и дают возможность рассмотреть данное понятие более полно. Ряд ученых (О. И. Бадулина, Л. И. Божович, Т. В. Драгунова, М. В. Зиновьева, В. Р. Лисина) определяют эмоциональное благополучие как положительную направленность эмоционального самочувствия. В исследованиях (Н. Д. Левитов, В. Н. Мясищев, Л. В. Куликов и др.) особое внимание ученые уделяют взаимосвязи здоровья, субъективного благополучия и психического состояния человека, делая акцент на субъективной стороне здоровья, подразумевая под этим удовлетворенность жизнью в целом и переживание благополучия [2].

По мнению Л. М. Аболина, О. А. Воробьевой, эмоциональное благополучие следует рассматривать как показатель успешности эмоциональной регуляции человека (насколько «хорошо» эмоции могут выполнять свои функции в жизнедеятельности отдельного человека) [3].

В работах М. С. Дмитриева, М. Ю. Долина, Л. В. Куликова эмоциональное благополучие выступает важной частью психологического благополучия личности в целом, характеризуется как интегральная характеристика, в которой сфокусировались чувства, обусловленные успешным/неуспешным функционированием всех сторон личности [4].

Значимым фактором, влияющим на ощущение эмоционального благополучия подростков, оказывается наличие хронического заболевания, которому сопутствует повышенный уровень тревожности, страхи, депрессивные состояния, невротические расстройства, истерические и истероформные нарушения. По мнению Б. А. Климова, для подростков с хроническими заболеваниями характерно пониженное, тревожное с депрессивным и дисфорическим оттенком настроение, которое определяется переживаниями своей неполноценности и дефектности. У подростков с хроническими заболеваниями, помимо страхов, присущим всем подросткам, часто встречающимися являются: страх боли и тяжелого лечения; страх

ухудшения состояния; страх беспомощности и зависимости от окружающих; страх потери полноценной жизни; страх смерти [5, с. 99].

У большей части больных формируется тревожное развитие личности, проявляющееся постоянными опасениями, мнительностью, беспокойством за состояние своих близких, за эффективность проводимого лечения. Зачастую тревога определяет все поведение хронически больного ребенка, и при этом может привести к неврозу [6, с. 136].

В условиях хронической болезни у подростков значительно чаще наблюдается готовность к ипохондрическому типу реагирования, возникают невротические расстройства, истерические и истероформные нарушения. Большинству больных свойственны истероидные черты личности: демонстративное поведение, стремление завоевать внимание, незамедлительно получить желаемое, переоценка своей личности, впечатлительность и бурная эмоциональность [7, с. 55].

Таким образом, эмоциональное благополучие – это эмоциональное состояние человека, зависящее от его здоровья, которое отражает положительное отношение к самому себе и окружающему миру, способность легко адаптироваться к различным ситуациям, не испытывая при этом дискомфорт, чрезмерный страх и тревогу. Важным является вопрос выбора адекватных коррекционных мер, способствующих снижению нежелательных тенденций психоэмоционального развития школьников, имеющих хронические заболевания, поиска современных форм профилактики, препятствующих появлению отклоняющегося поведения, трудностей в различной деятельности. Своевременная профилактика и коррекция эмоционального неблагополучия подростков с хроническими заболеваниями позволит в значительной степени снизить вероятность возникновения рисков и устранить негативные последствия имеющихся эмоциональных нарушений.

Список литературы

1. Подольский, А. И. Психоэмоциональное благополучие современных подростков: опыт и международного исследования / А. И. Подольский [и др.] // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 14 Психология. – 2011. – № 2. – С. 9–20.

2. Бадина, Н. П. Часто болеющие дети. Психологическое сопровождение в начальной школе / Н. П. Бадина. – М. : Генезис, 2007. – 152 с.

3. Воробьева, О. А. Психолого-педагогический комфорт как условие воспитания гармонично развитой личности в образовательных учреждениях нового типа : дис. ... канд. психол. наук : 13.00.01 / О. А. Воробьева. – Коломна, 2000. – 180 л.

4. Куликов, Л. В. Психогигиена личности: Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики: учеб. пособие / Л. В. Куликов. – СПб. : Питер, 2004. – 464 с.

5. Менделевич, В. Д. Неврология и психосоматическая медицина / В. Д. Менделевич, С. Л. Соловьева. – М.: МЕДпрессинформ, 2002. – 608 с.
6. Лакосина, Н. Д. Медицинская психология / Н. Д. Лакосина, Г. К. Ушаков. – М. : Медицина, 1984. – 272 с.
7. Старшенбаум, Г. В. Суицидология и кризисная психотерапия / Г. В. Старшенбаум. – М. : Когито-Центр, 2005. – 76 с.

*Н. В. Ефименко (И. В. Ковалевич)
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*

ОСОБЕННОСТИ САМООТНОШЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ С ХИМИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

Недовольство реальной жизнью и желание уйти от нее является одной из сложнейших проблем человеческой жизни. Формы и способы ухода чрезвычайно разнообразны и нередко носят патологический характер. Одной из таких форм является зависимое поведение, когда жизнь человека и его поведение начинают зависеть от различных факторов. Список объектов зависимости достаточно широк: различные вещества, игры, источники информации и эстетического наслаждения, люди, работа, пища. Их можно классифицировать по специфическому объекту зависимости: вещества, процессы, отношения. Некоторые из зависимостей одобряются обществом, другие представляют личностную проблему человека, но не являются социально опасными, третьи имеют статус социально опасных.

Различные аспекты зависимого поведения представлены в работах зарубежных (Р. Фольберг, А. Чамберс, М. Потенц и др.) и отечественных исследователей (А. О. Бухановский, Н. В. Дмитриева, Е. В. Змановская, С. А. Кулаков, Ц. П. Короленко и др.).

По данным национального статистического комитета Республики Беларусь за 2016 год в Республике насчитывается 18587 человек с впервые в жизни установленным диагнозом алкоголизм и алкогольный психоз, а также 759 человек с наркоманией и токсикоманией.

Среди многих проблем, стоящих перед современным обществом, одно из важных мест занимают проблемы борьбы с химической зависимостью, которая представляет серьезную угрозу для здоровья населения. Наличие химической зависимости может приводить не только к разрушению физического и социального благополучия, но и к изменению психологической сферы человека, что проявляется деформацией личности, изменением мотивационно-потребностной сферы и системы самоотношения.

Самоотношение является особым образованием личности. Личность представлена системообразованием, имеющим определённый статус в системе социальных отношений, установочное отношение к социальному окружению и особое отношение к себе. Доказано, что самоотношение играет определяющую роль в развитии межличностных отношений, в процессах мотивации и целеобразования, в способах формирования и разрешения кризисных ситуаций. При химической зависимости происходит изменение системы самоотношения, что проявляется в формировании неуверенности в себе и своих силах, отсутствии самоуважения и интереса к собственной личности.

Среди многих проблем, стоящих перед современным обществом, одно из важных мест занимают проблемы борьбы с химической зависимостью, которая представляет серьёзную угрозу для здоровья населения. Наличие химической зависимости может приводить не только к разрушению физического и социального благополучия, но и к изменению психологической сферы человека, что проявляется деформацией личности, изменением мотивационно-потребностной сферы и системы самоотношения.

Самоотношение является особым образованием личности. Личность представлена системообразованием, имеющим определённый статус в системе социальных отношений, установочное отношение к социальному окружению и особое отношение к себе. Доказано, что самоотношение играет определяющую роль в развитии межличностных отношений, в процессах мотивации и целеобразования, в способах формирования и разрешения кризисных ситуаций. При химической зависимости происходит изменение системы самоотношения, что проявляется в формировании неуверенности в себе и своих силах, отсутствии самоуважения и интереса к собственной личности.

Эмпирическое исследование, целью которого является исследование самоотношения взрослых с химической зависимостью проводилось на базе УЗ «Брестский областной наркологический диспансер». В исследовании приняли участие 33 мужчины в возрасте от 24 до 53 лет и 17 женщин в возрасте от 35 до 45 лет, имеющие алкогольную зависимость. Общее количество респондентов – 50 человек.

Для реализации поставленной цели, нами использовались следующие методики: Методика «Личностный дифференциал» (модификация семантического дифференциала Ч. Осгуда, адаптированная сотрудниками психоневрологического института им. В. М. Бехтерева); Методика «Кто Я?» М. Куна, Т. Макпартленда (в модификации Т.В. Румянцевой); Методика исследования самоотношения Р.С. Пантелеева (МИС).

По результатам эмпирического исследования были сделаны выводы, что большинство респондентов имеют средние значения по шкале самоува-

жения, что свидетельствует об оправданно критичной уровне отношения к образу «Я», умении видеть и признавать собственные ошибки и негативные качества личности. У половины респондентов преобладают средние показатели сформированности волевых сторон личности, что говорит о недостаточном самоконтроле, зависимо от внешних обстоятельств и оценок, но умеющего настоять на своем. Практически в равной степени среди лиц с химической зависимостью представлены показатели экстравертированной, интровертированной и амбивертированной направленности личности (треть респондентов). Следует отметить, что у около четверти респондентов наблюдается подверженность к чужому мнению, отсутствие силы воли, негативные представления о себе, имеют представление о себе как о человека, недостойном уважения.

Только у чуть более трети респондентов наблюдается адекватная самооценка, у около половины – неадекватно завышенная, у четверти – неадекватно заниженная и у 10% неустойчивая. Следовательно, большинство лиц с химической зависимостью имеют неадекватные представления о себе, их состояние можно охарактеризовать как неустойчивое, дискомфортное. Лица с химической зависимостью рассматривают себя в большинстве случаев как наделенного особенной социальной ролью, незначительный процент респондентов оценивает себя с позиции внутригрупповых ролей, что может говорить о нарушении взаимоотношений с окружающими. Также практически во всех ответах встречались характеристики рефлексивного компонента, что выражает заинтересованность в себе как личности, исследовании себя и своего характера, личностных черт. Меньше всего выражены физический и перспективный компоненты, что свидетельствует об отсутствии планов на будущее, перспектив и целей у лиц с химической зависимостью, сложности в восприятии своего физического образа, возможном неприятии собственного тела.

У трети респондентов отмечен низкий уровень самоотношения (испытывают чувство вины, отсутствуют ресурсы к саморазвитию); у около половины респондентов – средний уровень самоотношения (готовы к изменениям, признают свои недостатки), и у около трети – высокий (достаточно позитивный образ себя и нежелание менять свою жизнь).

Для выявления взаимосвязи показателей самоотношения у лиц с химической зависимостью нами использовался критерий корреляции Пирсона. Так, нами были получены следующие результаты:

– наблюдаются прямая взаимосвязь между показателями «оценка» и «внутренняя честность» ($r_{\text{эмп.}}=0,36$, при $p \leq 0,01$), «самоуверенность» ($r_{\text{эмп.}}=0,38$, при $p \leq 0,01$) и обратная взаимосвязь «оценки» и показателями «внутренняя конфликтность» ($r_{\text{эмп.}}=-0,37$, при $p \leq 0,01$) и «самообвинение» ($r_{\text{эмп.}}=-0,55$, при $p \leq 0,01$);

– прямая взаимосвязь показателя «сила» и «саморуководство» ($r_{\text{эмп.}}=0,52$, при $p \leq 0,01$) и обратная с «самообвинение» ($r_{\text{эмп.}}=-0,69$, при $p \leq 0,01$);

– прямая взаимосвязь показателя «активность» и «самоуверенность» ($r_{\text{эмп.}}=0,94$, при $p \leq 0,01$), «саморуководство» ($r_{\text{эмп.}}=0,43$, при $p \leq 0,01$).

Таким образом, лица с химической зависимостью, имеющие высокие показатели самоуважения обладают высоким уровнем уверенности в себе и честны сами перед собой, а также у них не прослеживается внутреннего конфликта и они не склонны к самообвинению. При высоких показателях развития волевых усилий лица с химической зависимостью обладают высоким уровнем саморегуляции, также не склонны к самообвинению, и них прослеживается восхищение собой и своими поступками (возможно, воздержанием от алкоголя). При высоких показателях общения (экстровертности) прослеживаются высокие показатели уверенности в себе и саморуководства.

Результаты, полученные в ходе исследования позволят разработать программу психологической коррекции самоотношения. Разработанные психокоррекционные мероприятия должны быть направлены на интеграцию самоотношения, достижение устойчивых позитивных изменений в его когнитивном, эмоциональном и поведенческом компонентах, позволят в значительной степени индивидуализировать реабилитационный маршрут.

*М. В. Завадская (М. П. Осипова)
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ РОДИТЕЛЕЙ СЛАБОСЛЫШАЩИХ ДЕТЕЙ

Психологическое здоровье – это состояние душевного психологического благополучия членов семьи, обеспечивающее им адекватную (их жизненным условиям) регуляцию поведения и деятельности. К основным критериям психологического здоровья семьи В. С. Торохтий относит сходство семейных ценностей, функционально-ролевую согласованность, социально-ролевую адекватность в семье, эмоциональную удовлетворенность, адаптивность в микросоциальных отношениях, устремленность на семейное долголетие [1]. Эти критерии психологического здоровья семьи создают общий психологический портрет современной семьи и, прежде всего, характеризуют степень ее благополучия.

Семья детей с нарушениями слуха имеет ряд особенностей по сравнению с семьей, воспитывающей слышащего ребенка (Т. Г. Богданова, Е. И. Исенина,

М. М. Семаго, В. В. Ткачева). Появление в семье ребенка с нарушением слуха связано с дополнительными эмоциональными переживаниями родителей и близких родственников. Как отмечают ученые, происходит искажение внутрисемейных отношений, страдает отношение родителей к социуму (сужается круг друзей, реже происходит общение вне семьи), возможны нарушения в дальнейшем репродуктивном поведении родителей (боязнь заводить еще детей), складываются ошибочные установки, связанные с воспитанием глухого малыша [2].

Рождение ребенка с патологией слуха воспринимается его родителями как величайшая трагедия. Факт появления на свет ребенка «не такого, как у всех», является причиной сильного стресса, испытываемого родителями, в первую очередь матерью. Стресс оказывает сильное деформирующее воздействие на психику родителей и становится исходным условием резкого травмирующего изменения, сформировавшегося в семье жизненного уклада. Все надежды и ожидания членов семьи в связи с будущим ребенка оказываются тщетными и рушатся в один миг, а осмысление происшедшего и обретение новых жизненных ценностей растягивается порой на длительный период. Это обусловлено многими причинами, среди которых: отсутствие положительно поддерживающего воздействия социума в контактах с семьей, воспитывающей аномального ребенка; психологические особенности личностей самих родителей, их способность принять или не принять больного ребенка.

Распределение обязанностей между мужем и женой, отцом и матерью в большинстве семей носит традиционный характер. Проблемы, связанные с внутренним состоянием и обеспечением жизнедеятельности семьи (хозяйственные, бытовые), а также с воспитанием и обучением детей, в том числе и с отклонениями в развитии, в основном ложатся на женщину. Мужчина – отец больного ребенка – обеспечивает в первую очередь экономическую базу семьи. Он не оставляет и не изменяет профиль своей работы из-за рождения больного ребенка и, таким образом, не исключается, как мать ребенка, из привычных социальных отношений. Его жизненный стереотип не столь сильно подвергается изменениям, так как большую часть времени он проводит в той же социальной среде (на работе, с друзьями и т.д.). Отец больного ребенка меньше, чем мать, проводит с ним времени в силу занятости на работе и в соответствии с традиционным пониманием этой семейной обязанности. Приведенные характеристики, как правило, являются наиболее распространенными. Но, безусловно, есть и исключения из правил.

Эмоциональное воздействие стресса на женщину, родившую больного ребенка, неизмеримо значительнее. У матерей часто наблюдаются истерики, депрессивные состояния. Страхи, одолевающие женщин по поводу больного ребенка, рождают чувство одиночества, потерянности. Часто для

таких матерей свойственно снижение психического тонуса, заниженная самооценка, что проявляется в потере интереса к жизни, перспектив профессиональной карьеры, невозможности реализации собственных творческих планов, потере интереса к себе как к женщине и личности.

Таким образом, результаты нашего исследования показывают, что рождение ребенка с нарушением слуха существенно изменяет жизнь семьи. Родители глухих детей испытывают значительно больше негативных эмоций, чем семьи со слышащими детьми. Особенности изменений в таких семьях проявляются на трех уровнях: социальном (ограничение контактов, материальные затраты), соматическом (заболевания, астенические переживания, депрессии, головные боли), психологическом (стрессы, разрушение стереотипов, защитные реакции) [3]. Для семей с детьми ОВЗ важна поддержка и оказание им психологической помощи. Мы убеждены на опыте собственной работы с данной категорией семей, что разнообразные формы организации работы с родителями эффективны для создания условий по изменению родительского отношения в семьях, воспитывающих детей с нарушением слуха: на уровне классного сообщества (конференция, мини-лекция, круглый стол и др.), на уровне микрогрупп (беседа, дискуссия, тренинг, брейн-ринг и др.), на уровне индивидуальной работы с семьей (индивидуальные беседы, консультирование, «калейдоскоп советов», обсуждение буклетов, памяток-рекомендаций и др.). Основная цель данной работы – подвести родителей глухих детей к пониманию того, что их любовь к ребенку в сочетании с высокой требовательностью и квалифицированным самообразованием создает условия, которые позволяют реализовать потенциальные возможности ребенка на радость ему и родителям.

Список литературы

1. Торохтий, В. С. Психологическое здоровье семьи / В. С. Торохтий, О. Г. Прохорова. – М. : КАРО, 2009. – 160 с.
2. Жукова, И. С. Если Ваш ребенок отстает в развитии / И. С. Жукова, Е. М. Мастюкова. – М. : Медицина, 1998. – 127 с.
3. Ткачева, В. В. Семья ребенка с отклонениями в развитии / В. В. Ткачева. – М. : Книголюб, 2007. – 144 с.

О. А. Ильющя (О. В. Леганькова)
Минск, БГПУ

АКТУАЛЬНОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ПЕРИОДОВ РЕПРОДУКТИВНОГО ЭТАПА СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

Охрана материнства и детства является важнейшим приоритетом государственной социальной политики Республики Беларусь. Ведущие направления деятельности государства в этой сфере: охрана репродуктивного здоровья населения, создание условий для рождения здоровых детей, а также сохранение здоровья матерей и детей.

Демографическая ситуация в стране остается сложной. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, за 2017 год родилось 102 356 детей, умерло 119 051 белорусов, естественная убыль населения составила 16 695 человек. При этом, как отмечает главный акушер-гинеколог Минздрава, наблюдается снижение количества женщин репродуктивного возраста, повышается возраст рождения первого ребенка (в Беларуси он приближается к 26 годам и имеет тенденцию к увеличению). С каждым годом увеличиваются масштабы проблемы бесплодия. В таких условиях особую значимость приобретает сохранение беременности и жизни каждого ребенка [1].

Опираясь на результаты исследований в области медицины, репродуктивной и перинатальной психологии, можно отметить, что важной составляющей в решении выделенных проблем, является психологическое сопровождение семьи на этапе планирования и протекания беременности, а также послеродового периода (Абрамченко В. В., 2003; Добряков И. В., 2005; Коваленко Н. П., 2005; Филлипова Г. Г., 2006 и др.). Доказано, что психоэмоциональные особенности личности обуславливают возникновение осложнения в вышеуказанные периоды (Александр Ф., 2002; Батуев А. С., 2007; Евтушенко И. Д., Радионченко А. А., 2003; Малкина - Пых И. Г., 2005; Соколова О. А., Сергиенко Е. А., 2007; Чумакова Г. Н., Щукина Е. Г., 2006 и др.).

На этапе планирования беременности психологическое сопровождение актуально, прежде всего, для семей, столкнувшихся с проблемами невынашивания или бесплодия. По официальной статистике 15% семейных пар в республике являются бесплодными, около 25% беременностей заканчиваются выкидышем или преждевременными родами [2]. В основе обозначенных проблем лежит как состояние репродуктивного здоровья, так и психологические аспекты личности, семейной системы (Бохан Т. Г., 2010; Рябова М. Г., 2013, Досова С. Ю., Евстифеева Е. А., Филипченкова С. И., 2018 и др.).

Сопровождение беременности, подготовка к родам на сегодняшний день получила широкое распространение и осуществляется на различных уровнях. При женских консультациях созданы материнские школы, на базе родильных домов проводятся курсы подготовки к родам, также дородовой подготовкой занимаются различные центры, имеющие семейно-образовательную направленность. Специалистами разработаны разнообразные программы физиопсихопрофилактической подготовки к беременности и родам (Лохина Е. В., Качалина Т. С., 2013, Аюбова Т. К., Шамаро Т. А., 2015 и др.). Результаты полученных исследований доказывают благоприятное влияние психологического сопровождения на течение беременности и родов, психоэмоциональное состояние женщины [3; 4]. Происходит нормализация уровня тревожности и формирование оптимального типа психологического компонента гестационной доминанты, формирование адекватного и позитивного отношения к беременности, снятие страхов перед родами и в послеродовом периоде, развитие материнской компетентности, настройка на гармоничное взаимодействие в диаде мать-дитя, встраивание будущего ребенка в семейную систему. Также отмечается уменьшение количества осложнений в течение беременности и родов, послеродовом периоде.

Говоря о последнем, следует отметить, что более пристальное внимание специалистов и общества направлено на период беременности и родов, что может быть связано как с борьбой за рождаемость на государственном уровне, так и определенными социальными установками. Тактика психологического сопровождения после родов менее разработана и более пассивно представлена в теоретическом и практическом аспекте. Однако семья с новорожденным ребенком находится в наиболее уязвимом положении и нуждается в комплексном психологическом сопровождении, чтобы устоять перед сложностями физического и психологического плана свойственными этому периоду. Такими как, физическое восстановление женщины после беременности и родов, изменение психоэмоционального статуса, вызванное гормональной перестройкой в период лактации, возникновение сложных эмоциональных состояний (послеродовой депрессии, неврозов), перестройка семейной системы в связи с появлением нового члена, изменение качества жизни, перестройка сознания супругов, их взаимоотношений с миром и др. (Махмутова Р. К., 2007; Захарова Е. И. 2012; Германова Е. В., 2013; Пьянкова Л. А., 2015, 2017 и др.).

Таким образом, актуальность психологического сопровождения в разные периоды репродуктивного этапа семьи вызвана реалиями современного состояния белорусского общества: кризисом функционирования института семьи, преимущественно однопоколенным составом семей, невозможностью прямой передачи родительского опыта от одного поколения другому, снижением показателей репродуктивного здоровья супругов и др.

[5]. Наименее разработанным и требующими исследовательского и практического внимания, на настоящий момент, является психологическое сопровождение в период планирования ребенка и послеродовой период. Разработка системы психологического просвещения женщин и сопровождения семей в целом в данные периоды позитивно скажется на качестве жизни семей с детьми младенческого возраста, позволит повысить уровень субъективного благополучия женщин и избежать закрепления негативных эмоциональных состояний в эти сложные для них периоды, соответственно позитивно скажется на создании оптимальных условий для развития ребенка и устойчивости семейной системы в целом.

Список литературы

1. Арант, Т. Материнство и детство : белорусский эталон / Т. Арант // Медицинский вестник www.medvestnik.by [Электронный ресурс]. – 2017. – 17 ноября. – Режим доступа : <http://www.medvestnik.by/ru/society/view/materinstvo-i-detstvo-belorusskij-etalon-17135-2017/> – Дата доступа: 27.11.2017.

2. Невынашивание беременности : учеб.-метод. пособие / Л. Ф. Можейко [и др.]. – Минск : БГМУ, 2013. – 28 с.

3. Лохина, Е. В. Влияние медико-психологической подготовки беременных к родам по программе «Счастлирое материнство» на течение родов / Е. В. Лохина, Т. С. Качалина // Современная медицина : актуальные вопросы : сб. ст. по матер. XVI междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2013. – С. 6–14.

4. Брутман, В. И. Динамика психологического состояния женщин во время беременности и после родов / В. И. Брутман, Г. Г. Филлипова, И. Ю. Хамитова // Вопросы психологии. – 2002. – № 1. – С. 59–68.

5. Ланцбург, М. Е. Роль психологической подготовки и поддержки реализации родительских функций / М. Е. Ланцбург // Психологическая наука и образование. Портал психологических изданий PsyJournals.ru [Электронный ресурс]. – 2011. – №1. – С. 15 – 26. – Режим доступа: http://psyjournals.ru/files/39818/psyedu_2011_n1_Lancburg.pdf – Дата доступа: 27.11.2017.

*С. А. Кисинская (В. Ю. Москалюк)
Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина*

ИССЛЕДОВАНИЕ АССЕРТИВНОСТИ В СТАРШЕМ ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

В построении межличностных отношений важную роль играет такое личностное качество как асертивность – способность не действовать в ущерб кому-либо, уважая права других людей, способность не зависеть от внешних влияний и оценок, самостоятельно регулировать собственное поведение и отвечать за него. В обычной жизни модель поведения человека может приближаться к одному из двух полюсов: пассивности, зависимости или агрессивности. В первом случае человеком «руководит» неуверенность в себе, страх перед переменами или, наоборот, опасения потерять то, что уже нажито; во втором – явное или скрытое желание манипулировать окружающими, подчиняя их своим интересам. Асертивное поведение часто трактуется как уверенное поведение, а асертивный человек описывается как характеризующийся высоким уровнем мотивации достижения успеха в деятельности, готовностью принимать решения в ситуациях неопределенности, конструктивным подходом к решению проблем, стремлением сделать что-то быстро и хорошо.

В рамках изучения межличностных отношений у старших подростков мы заинтересовались вопросом о том, проявляют ли они асертивность в отношениях со сверстниками. В данной статье представлены данные эмпирического обследования учащихся двух восьмых классов с использованием методики «Тест на асертивность» (В. Каппони, Т. Новак), которая позволяет дать оценку уровня развития данной характеристики. Общее количество учащихся – 46 человек: 23 девочки-подростка и 23 мальчика-подростка. Объективно и со слов учителей школы в классе 1 успеваемость выше, класс сплоченный, имеет одного лидера (девочка), в классе 15 девочек и 8 мальчиков. В классе 2 успеваемость ниже, явного лидера нет, учащиеся активные, энергичные, дисциплину в классе учителям поддерживать труднее, чем в классе 1, в классе 15 мальчиков и 8 девочек. Рассмотрим полученные данные, в том числе в гендерном аспекте.

Согласно данным теста самые высокие показатели набранных баллов в позициях «А», «Б» и «В» (по нарастающей) определяют уровень развития асертивности, а самые низкие показатели по данным позициям свидетельствуют о неумении вести себя асертивно, а именно о наличии каких-либо проблем (также по нарастающей от А до Б).

Самый высокий показатель в позиции «А» был выявлен у 23 % учащихся, у этих респондентов асертивность находится на *стадии формиро-*

вания, подростки теоретически знают, как взаимодействовать с окружающими людьми, однако еще не умеют пользоваться этими знаниями. Они часто испытывают недовольство собой и окружающими, не всегда имеют собственное мнение. В частности на вопрос «Раздражают ли Вас ошибки других людей» положительно ответили более половины опрошенных респондентов. Девочки-подростки в этой подгруппе составили 15 % от выборки в целом, мальчики-подростки – 8 %.

У 79 % учащихся выявлен *самый высокий показатель в позиции «Б»*, у этих респондентов ассертивность находится на *более высоком уровне* развития. В данной подгруппе у учащихся появляется готовность принимать ответственность за свои действия, конструктивный подход к решению проблем. В общении с другими людьми они используют диалог, сотрудничество, у них проявляется желание не ущемлять чужих интересов, однако наблюдаются несдержанность, неумение управлять собой в сложных ситуациях, что может проявиться как агрессивность в поведении. В этой категории мальчики-подростки составили 48 % от общего числа опрошенных, а девочки-подростки – 31 %.

Только 6 % подростков, причем только мальчиков, имеют *самый высокий показатель в позиции «В»*. Это свидетельствует о хороших шансах овладеть ассертивностью, а также о том, что у подростков сложилось мнение о себе и о своем поведении, они оценивают себя реалистично, готовы к приобретению навыков, необходимых для конструктивного общения.

Наименьший показатель в позиции «А» выявлен у 54 % учащихся. Согласно ключу теста, такие результаты указывают на то, что у респондентов редко возникают трудности при стремлении реализовать ассертивное поведение. Подростки «знают, что и как нужно делать», реалистично относятся к поступкам других людей. Вместе с тем они пока только *учатся* жить в согласии с собой и окружающими, но при этом готовы учиться уверенному, прямому и открытому поведению с ними. В этой подгруппе преобладают мальчики-подростки, они составляют 40 % от выборки в целом, тогда как девочки-подростки – 14 %.

Наименьший показатель в позиции «Б» выявлен у 19 % респондентов, которым ассертивности можно и нужно учиться. Для данной подгруппы характерны: невнимательность к окружающим, эгоизм, неумение конструктивно вести споры, а также отсутствие собственного мнения, раздражение, что является следствием социальной и личностной незрелости подростков. Девочки-подростки в данной подгруппе преобладают (17 %).

Наименьший показатель в счете «В» выявлен у большинства подростков данной группы (63 %). Вместе с тем, гендерный состав респондентов неоднороден, так как 40 % опрошенных составляют девочки-подростки. Такие результаты свидетельствует о наличии неискренности и

неадекватно высокой самооценке, согласно ключу теста, о видения себя в лучшем свете и эгоистической позиции.

Таким образом, установлено, что у большинства подростков ассертивность еще не до конца сформирована: подростки готовы к конструктивному взаимодействию с окружающими людьми, однако у них не хватает знаний и навыков в данной области, в том числе умения реалистично оценивать свою позицию и позицию партнера в общении. Согласно полученным данным, мальчики-подростки чаще проявляют ассертивность в межличностных отношениях, реже имеют проблемы в общении, связанные с отсутствием ассертивности, нежели девочки-подростки. Возможно, подростки мужского пола «более инструментальны» в межличностных отношениях, тогда как подростки женского пола более эмоциональны и манипулятивны, что требует дальнейшего изучения с учетом возраста и специфики отношений в конкретном классе.

*В. Г. Кудласевич (Д. Э. Синюк)
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*

КОНЦЕПЦИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ РЕЛИГИИ В РАБОТАХ З. ФРЕЙДА

Зигмунд Фрейд является основателем принципиально новой психологической теории – психоанализа, ключевым понятием которого является бессознательное. Разработка этого уровня психики позволила по-другому взглянуть на окружающий нас мир. В сфере внимания австрийского психоаналитика оказалась и особенная сфера жизни общества, которая перестала восприниматься частью общества как изначально данная и только начала подвергаться всестороннему научному анализу. З. Фрейд создал оригинальную концепцию происхождения и развития религии, для рассмотрения которой нам необходимо непосредственно обратиться к его исследованиям.

Первым его трудом в этом направлении является статья «Навязчивые действия и религиозные обряды», опубликованная в 1907 г. Уже здесь З. Фрейд уделяет особое внимание сходству между навязчивыми действиями нервных больных и обрядами, в которых верующий проявляет свою религиозность. Это сходство он видит в угрызениях совести при неисполнении невротических церемоний и религиозных обрядов. Чувству вины больного соответствует убеждение религиозных людей, что в душе они тяжелые грешники. А молитвы верующих являются своего рода защитными мерами. Автор уверен, что и религия, и невроз построены на подавле-

нии инстинктов и на воздержании от удовольствия. Разница лишь в характере инстинктов: в неврозе они являются исключительно сексуальными, а в религии – эгоистическими, социально вредными. Однако и они часто не лишены сексуального придатка. Повторное совершение греха дает повод для нового проявления религиозности – покаяния. Невроз, по мнению ученого, обладает аналогичным механизмом действия.

В заключении данной работы З. Фрейд делает следующий вывод: «На основании этих сходств и аналогий можно было бы смотреть на навязчивый невроз, как на патологическую копию развития религии, определить невроз как индивидуальную религиозность, религию как всеобщий невроз навязчивых состояний» [2]. Так он приходит к основному методологическому принципу, который в дальнейшем использует в своих работах.

Впервые относительно религии данный принцип был применен через шесть лет в работе «Тотем и табу». Эта работа посвящена исследованию психической природы тотемических верований. В ней З. Фрейд обращает внимание на то, что два основных запрета тотемизма направлены против проявлений Эдипова комплекса. Экзогамия и запрет на убийство тотемного зверя, почитаемого как прародителя племени. Эдипов комплекс, по мнению З. Фрейда, лежит в основе как тотемизма, так и невроза. Что подтвердило его мысль об определении религии как невроза. Осталось лишь найти причину Эдипова комплекса в тотемизме. Так рождается гипотеза «первобытного отцеубийства».

Опираясь на работы Ч. Дарвина и Дж. Аткинсона, он говорит: «В дарвиновой первичной орде жестокий ревнивый отец, который прибегает для себя всех самок, изгоняет подрастающих сыновей. В один прекрасный день изгнанные братья соединились, убили и съели отца. Они осмелились совершить то, что было невозможно каждому в отдельности» [3, с. 451–452].

Далее З. Фрейд описывает процесс появления чувства вины и совести. Жестокий отец вызывал двойственные чувства у сыновей. Он стоял на пути удовлетворения их потребностей, но при этом они ему подражали и восхищались им, стремясь занять его место. Убив отца, они удовлетворили агрессивную составляющую двойственности чувств к отцу. Большую роль стала играть положительная составляющая. Каждый в отдельности сын испытывал раскаяние из-за желания занять место отца, и боязни, что его в дальнейшем постигнет та же участь. Со временем сыновья начали отождествлять с отцом не всего себя, а лишь часть своей психики, которая наиболее подходила для этой роли. Этой частью стало «Сверх-Я». Именно этому уровню психики была передана власть отца, в наказание за осуществленный акт агрессии. Также были установлены ограничения на все

сообщество, которые должны были не допустить повторения проступка. Все это сформировало совесть, чувство вины и раскаяние [3, с. 454].

Таким образом, амбивалентность чувств вылилась в раскаяние, которое, в свою очередь, породило чувство вины и совесть. Нарушение ограничений совести вызывало новое чувство вины. Принятие его проявлялось в раскаянии. Оно ужесточало требования совести, которые затем опять нарушались. Амбивалентность чувств к авторитетному существу была выброшена – и круг замкнулся.

Под давлением этих установок убийство отца воспринималось, как психическая травма. Воспоминания о содеянном вытеснялись из сознания в бессознательное. Это вытеснение прошло не совсем удачно, образ отца не закрепился в бессознательном. Он пытался прорваться в сознание, но внутренняя цензура не пропускала его. Для того чтобы вернуться в сознание, образ отца сильно видоизменился и принял облик тотемного зверя. Этот символ и проник в сознание. А оно, в свою очередь, не видело разницы между вытесненным и его символом. На тотемного зверя переложились все те чувства, которые сыновья испытывали к отцу. Им нужно было устранить вернувшийся страх, теперь уже перед символом отца – тотемным зверем. З. Фрейд назвал это состояние «запоздалым послушанием». Они запретили себе то, что раньше было запрещено отцом. Сыновья ввели запрет на половые отношения с самками своего рода и убийство отца, которыми считали тотемного зверя.

Подводя итоги, З. Фрейд делает важный вывод о значении тотемической трапезы: «Тотемическая трапеза, может быть первое празднество человечества, была повторением и воспоминанием этого замечательного преступного деяния, от которого многое взяло свое начало: социальные организации, нравственные ограничения и религия» [3, с. 452].

Проанализировав эти две работы, мы можем сделать вывод, что тема религии являлась принципиально важной для всей концепции З. Фрейда. Изначально в самой первой статье «Навязчивые действия и религиозные обряды», затрагивающей религиозную проблематику, исследователь делает вывод о схожести механизма действия невроза и религии. Это, в свою очередь, дало основания для расширения границ применения психоанализа в изучении религии. В исследовании «Тотем и табу» З. Фрейд рассматривает происхождение религии из предложенной им теории «первобытного отцеубийства».

В дальнейшем З.Фрейд рассмотрит через призму психоанализа христианское общество в начале 20 века. И напишет работу исторического характера, посвященную Иудаизму. Все это дополнит его концепцию относительно религии. Однако уже в этих двух относительно ранних работах

ему удалось создать теорию происхождения религии, которая остается актуальной по сей день.

Список литературы

1. Фрейд, З. Навязчивые действия и религиозные обряды / З. Фрейд // Психоанализ [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа : <http://psychoanalysis.pro/928/freyd-navyazchivyye-deystviya-i-religioznyie-obryadyi>. – Дата доступа : 15.04.2017.

2. Фрейд, З. Тотем и табу / З. Фрейд // По ту сторону принципа наслаждения. Тотем и табу. «Я» и «Оно». Неудовлетворенность культурой. – 2-е изд. – Харьков : Клуб Семейного Досуга, 2014. – С. 259–477.

Е. В. Кульбицкая (С. И. Контева)

Минск, БГПУ имени М. Танка

МОТИВЫ ВСТУПЛЕНИЯ В ВНЕБРАЧНЫЕ СВЯЗИ У СУПРУГОВ

Среди значимых для человека ценностей одно из ведущих мест занимает семья. Однако в реальной жизни это не всегда и не всеми осознается с достаточной глубиной и ответственностью. И только разрушив этот очаг относительного жизненного благополучия, мы начинаем по-настоящему задумываться о том, где и какие ошибки были допущены, почему не удалось сберечь то, что мы так легко потеряли и вряд ли сможем воссоздать в том же виде.[6, с. 27]

Двадцать лет тому назад Монтерлан писал: «Умираем с просьбой об отпущении грехов наших...». А разве нынешнее поколение не будет умирать в разочарованиях и тоске, поскольку шаг за шагом уничтожает непреходящие ценности любви, имеющие к тому же огромную социальную значимость? [4, с. 42]

На сегодняшний день одной из больших угроз для брака является измена. Относительно внебрачных связей существует достаточно богатая историческая и этнографическая литература и явно не достает психологических и социологических исследований. Внебрачные отношения – слабо исследованная область супружеских отношений. Научное изучение их с помощью опросов, хотя бы и анонимных, является сложным делом, так как получаемая информация связана с традиционно не одобряемым в обществе явлением, а значит может быть не полной или искаженной. При всех изменениях сексуальной морали последних десятилетий в сторону большей терпимости, например, к добрачным связям, отношение к добрачным свя-

зям, отношение к внебрачным связям значительно менее терпимое. И. С. Кон объясняет это тем, что внебрачные связи рассматриваются у народов всех стран как предательство, нарушение взятых на себя обязательств. [1, с. 84-89]

Однако не стоит забывать о том, что измена сама по себе, или беспричинно не возникает. Она происходит из неудовлетворенности личных потребностей в браке. Ведь если бы потребности можно было удовлетворить в браке, не стояла бы задача привлекать третьего.

Мотивы вступления во внебрачные связи приводятся разные.

Первая попытка построения типологии мотивов вступления во внебрачные отношения была предпринята З. А. Гуревичем (1930). Наиболее значимыми для мужчин оказались: «разлука с женой» (38%), «увлечение» (25%), «неудовлетворенность семейной жизнью» (14%). Для женщин: «разлука с мужем» (38%), «неудовлетворенность семейной жизнью» (21%), «неудовлетворенность половыми отношениями с мужем» (17%).

В свою очередь Т. М. Заславская и В. А. Гришин приводят семь мотивов:

1. Новая любовь. Эта причина характерна для браков, где любовь незначительна или вовсе отсутствует (рассудочные, рациональные или вынужденные браки, основанные на выгоде, страхе одиночества);

2. Возмездие – стремление отомстить за супружескую неверность;

3. Поруганная любовь - отсутствие взаимности, безответность чувств. Поиск любви в другом партнерстве, где возможна взаимность. Иногда сам изменяющий не любит нового партнера, но откликается на его чувства;

4. Поиск нового любовного переживания, как правило, характерен для супружеств со значительным стажем, либо это может быть в семьях с такой моралью, когда от жизни стремятся получить все возможное;

5. Восполнение - с помощью супружеской неверности пытаются восполнить недостаток любовных отношений – из-за длительной разлуки, болезни супруга и иных ограничений на полную любовь в браке;

6. Тотальный распад семьи: измена – фактический результат создания новой семьи, когда первая воспринимается как нежизнеспособная;

7. Случайная связь – когда измена не характеризуется регулярностью и глубиной переживания (опьянение, настойчивость партнера, удобный случай). [3, с. 214-215]

8. А. Н. Волкова (1989) выделяет следующие причины супружеских измен: новая любовь, «возмездие», «поруганная любовь» (как реакция на отсутствие взаимности любви в браке), поиск новых любовных переживаний, «восполнение», случайная связь. [3]

9. По мнению Л.Фантович (1995) среди наиболее вероятных причин неверности, на первом месте стоит «взаимное отчуждение», затем идет «неудовлетворенность семейными отношениями» и «безответственность личности». Среди дополнительных причин фигурируют также сексуальная неудовлетворенность, душевное одиночество в браке, нравственная распущенность и алкоголизм. [2]

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что ведущими мотивами, приводящими супругов к измене являются: эмоциональная и сексуальная неудовлетворенность в браке, депривация сексуального общения, «уход от одиночества» и любовь к другому.

Список литературы

1. Андреева, Т. В. Психология семьи : учеб. пособие / Т. В. Андреева. – СПб. : Питер, 2014. – 335 с.
2. Берн, Э. Секс в человеческой любви / Э. Берн. – М. : Педагогика, 1990. – 212 с.
3. Волкова, А. Н. Опыт исследования супружеской неверности / А. Н. Волкова // Вопр. психологии. – 1989. – № 2. – С. 98–102.
4. Франк, Р. Супружеская неверность / Р. Франк ; пер. с итал. В. П. Казанцева. – Минск : Полымя, 1999. – 238 с.
5. Хмарук, И. Н. Социально-психологические корреляты выбора способа реагирования в ситуации измены супруга : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / И. Н. Хмарук. – Ростов н/Д, 2000. – 178 л.
6. Целуйко, В. М. Психология неблагополучной семьи / В. М. Целуйко. – М. : Владос-пресс, 2004. – 272 с.

И. А Кунай (Т. В. Васильева)

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)

Ответственность как устойчивое личностное качество имеет большое значение для всех сферах жизнедеятельности как отдельно взятого индивида, так и общества в целом. Ответственность является одним из фундаментальных принципов человеческого бытия и нравственности. В современном мире наблюдается тенденция, заключающаяся в том, что подрастающее поколение не стремится брать на себя ответственность за себя и других, что выражается в учащающихся фактах ведения молодыми людьми

ми такого образа жизни, который приводит к нарушениям здоровья, к социальной дезадаптации и личностной деградации.

В научной литературе выделяют следующие виды ответственности: профессиональную, административную, политическую, экономическую, материальную, юридическую, дисциплинарную и социальную. Ответственность выступает как существенная черта личности и отражает объем личных задач человека, т.е. пределы его долга.

В психологической науке ответственность рассматривается как специфическая для зрелой личности форма саморегуляции и самодетерминации, которая выражается в осознании себя как причины совершаемых поступков и их последствий, а так же в осознании и контроле своей способности выступать причиной изменений (или противодействия изменениям) в окружающем мире и в собственной жизни. При этом, изучение этого феномена является одной из самых сложных проблем психологической науки, так как этот феномен имеет множество проявлений в различных сферах жизнедеятельности человека и не может быть однозначно отнесён к какой-либо сфере личности, а является результатом функционирования личности как целостной системы. Так, ответственность часто рассматривается в контексте изучения эмоционально-волевых процессов как особое чувство, побуждающее человека к определённым решениям, а также в контексте выделения индивидуально-психологических особенностей личности как устойчивая черта. Кроме этого, ответственность можно анализировать в контексте тех ценностей и смыслов, которые личность реализует с разной степенью осознанности и, следовательно, с разной степенью актуализации рефлексивных механизмов и регулирующей функции самосознания. Так, например, в качестве одного из проявлений ответственности можно, на наш взгляд, рассматривать уровень субъективного контроля.

В данном сравнительном анализе анализируются две выборки студентов высшей школы, являющихся студентами различных факультетов БрГУ имени А.С. Пушкина. Первая выборка представлена юношами, а вторая выборка – девушками, где респонденты обеих выборок находились в возрастном диапазоне от 18 до 20 лет. Две эти выборки являются гетерогенными, не только по половому признаку, но и по количественному составу, где выборка юношей – 30 респондентов, а выборка девушек – 40. Нами по отдельности были изучены представления об ответственности у юношей и у девушек. В данной статье мы отразили проведённый нами анализ двух наших работ.

Целью нашего сравнительного анализа является выявление различий в представлениях у юношей и девушек высшей школы.

На первом этапе сравнительного анализа мы сравнили юношей и девушек по локусу контроля, где дифференциация респондентов по уровню локуса контроля проводилась при помощи методики исследования уровня субъ-

активного контроля (вариант шкалы локуса контроля Дж. Роттера). Были получены следующие результаты. Оказалось, что в выборке юношей превалирует количество респондентов с интернальным локусом контроля – 24 респондента (80%) из 30, в то время как в выборке девушек больше респондентов с пограничным (интернально-экстернальным) локусом контроля – 29 респондентов (72.5%) из 40. Остальные – у юношей это респонденты с пограничным локусом контроля – 6 (20%), а у девушек это респонденты с интернальным локусом контроля – 11 (27.5%). В двух выборочных совокупностях отсутствуют респонденты с экстернальным локусом контроля.

На втором этапе сравнительного анализа мы сравнивали средние значения у юношей и девушек с разным локусом контроля по разным шкалам методики семантический дифференциал (вариант, адаптированный в НИИ имени В.М. Бехтерева), где юноши оценивали объекты «ответственный мужчина» и «безответственный мужчина», а девушки оценивали объекты «ответственная женщина» и «безответственная женщина». Оценка проводилась ими с помощью двадцати одной пары биполярных антагонистических шкал. Все эти шкалы сводились к трём факторам, таким как «сила», «активность», «оценка».

Сначала мы сравнивали между собой представления юношей и девушек с интернальным локусом контроля. В ходе этого сравнения были получены следующие результаты. При сравнении «ответственности» по фактору «сила» как юноши так и девушки оценили данный фактор выше среднего. При сравнении «ответственности» по фактору «активность» было выявлено то, что как юноши, так и девушки одинаково оценивают данный фактор – выше среднего уровня. При сравнении «ответственности» по фактору «оценка» было обнаружено, что как юноши, так и девушки одинаково высоко оценивают данный фактор. При сравнении «безответственности» по фактору «сила» получилось, что юноши оценивают данный фактор ниже среднего уровня, тогда как у девушек он находится на среднем уровне. При сравнении «безответственности» по фактору «активность» оказалось, что как юноши, так и девушки одинаково оценивают данный фактор – средний уровень. При сравнении «безответственности» по фактору «оценка» было выявлено, что юноши оценивают данный фактор ниже среднего уровня, в то время как у девушек данный фактор находится на низком уровне.

Далее мы сравнивали между собой представления юношей и девушек с пограничным локусом контроля. В ходе этого сравнения были получены следующие результаты. При сравнении «ответственности» по фактору «сила» как юноши, так и девушки оценили данный фактор выше среднего. При сравнении «ответственности» по фактору «активность» юноши оценили его на среднем уровне, в то время как девушки – выше среднего. При сравнении «ответственности» по фактору «оценка» юноши оценили дан-

ный фактор выше среднего уровня, где девушки оценили его высоко. При сравнении «безответственности» по фактору «сила» как юноши, так и девушки оценили данный фактор ниже среднего уровня. При сравнении «безответственности» по фактору «активность» юноши оценили его ниже среднего уровня, а девушки – средне. При сравнении «безответственности» по фактору «оценка» как юноши, так и девушки оценили данный фактор ниже среднего уровня.

Из данного анализа вытекает следующие положения. Во-первых, юноши и девушки с интернальным локусом контроля практически одинаково оцениваю как «ответственность», так и «безответственность», т.е. в их сознании данные категории практически идентичны. Заметные различия наблюдаются только в оценке «безответственность» по фактору «оценка», где девушки данный фактор оценивают ниже, чем юноши. Во-вторых, у юношей и девушек с пограничным локусом контроля значительно больше различий в представлениях, чем таковых у юношей и девушек с интернальным локусом контроля. Специфичность данных различий состоит в том, что девушки практически все факторы оценивают выше, чем юноши.

Данные нашего исследования позволяют сделать вывод о том, что в сознании юношей и девушек представления об ответственности и безответственности в целом сходны. Это указывает на отсутствие гендерных различий в формировании у юношей и девушек представлений о социально значимых характеристиках личности.

*О. Н. Левонюк (Н. В. Былинская)
г. Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*

ТИПЫ МОТИВАЦИОННЫХ ПРОФИЛЕЙ РУКОВОДИТЕЛЕЙ И СПЕЦИАЛИСТОВ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

В современных условиях для эффективной деятельности организации требуются работники с высоким уровнем квалификации, инициативы и ответственности, стремящиеся к трудовой и личностной самореализации. Такой набор личностных и профессиональных компетенций невозможно обеспечить при помощи существующих традиционных форм материального стимулирования и строгого внешнего контроля, оплаты труда и набора санкций. Только те люди, которые осознают смысл своей деятельности и стремятся к достижению и своих личных целей, и целей всей организации, могут рассчитывать на получение высоких результатов. Формирование таких работников – задача современного мотивационного менеджмента [1].

Процесс мотивации сложен и неоднозначен. Существует большое количество теорий, которые объясняют, что эффективность трудовой деятельности людей в той либо иной сфере обусловлена разными потребностями личности и разнообразными условиями существования. На сегодняшний день в области изучения мотивации человека ведется большое количество исследований, благодаря которым появляются новые и совершенствуются уже существующие концепции мотивации персонала [2]. При этом, в настоящее время наиболее эффективны теории мотивации, которые позволяют исследовать как компанию в целом, так и отдельных ее сотрудников. Именно такой комплексный подход к построению процесса мотивационного менеджмента на предприятии демонстрирует типология трудовой мотивации В. Герчикова. Типология В. Герчикова выделяет следующие четыре базовых типа мотивации:

1) *Инструментальный тип*. Стимулом для работников этого типа будут являться увеличение заработка и других благ. Представители инструментального типа не заинтересованы в работе как таковой, содержание трудовой деятельности не представляет для них никакой ценности.

2) *Профессиональный тип*. Стимулом для этого типа работников будет являться разнообразная, увлекательная, творческая работа. Для них характерно постоянное профессиональное совершенствование.

3) *Патриотический тип*. Работники этого типа ориентированы на результат общего дела и признание руководителем и организацией, в которой они работают, своих заслуг. Они отличаются готовностью взять на себя дополнительную ответственность ради достижения некоей общей цели.

4) *Хозяйский*. Для представителей этого типа характерно стремление к максимальной самостоятельности в работе, неприязнь к контролю. «Хозяева» стараются взять на себя полную ответственность за свою работу. Содержание труда отходит на второй план [3].

Кроме обозначенных типов типологическая модель мотивации В. Герчикова включает один тип с *мотивацией избегания*. К этой категории относятся так называемые представители избегательного или люмпенского типа, для которых характерно стремление минимизировать свои трудовые усилия, полное отсутствие интереса к содержанию труда, для них не важен доход (при условии, что коллеги не получают за такой же труд больше) [3].

Предложенная В. Герчиковым теория трудовой мотивации, помогает управленцам более обоснованно принимать решения в рамках выполнения следующих функций управления персоналом: найм, расстановка и перемещение персонала внутри компании, формирование кадрового резерва, разработка мотивационных программ, обучение и развитие, построение коммуникаций.

Обсуждаемая в настоящей статье теория трудовой мотивации впервые была применена на производственном предприятии ООО «Машинострои-

тельное предприятие «КОМПО» для найма персонала в 2017 / 2018 году. Цель исследования заключалась в создании системы найма персонала, которая обеспечивала бы приход в компанию сотрудников, с наиболее подходящим мотивационным типом. В настоящем исследовании приняли участие 103 респондента (25 – руководители, 78 – специалисты предприятия). В качестве инструмента, который позволил диагностировать степень выраженности того или иного базового типа мотивации, была выбрана типология трудовой мотивации В. Герчикова и опросник «Мо-тайп», который позволяет определить степень выраженности того или иного базового типа мотивации.

Результаты исследования позволили выявить мотивационные профили наиболее успешных сотрудников, что дало основание для внесения в карту компетенций конкретной должности мотивационного типа, как наиболее эффективного на данной позиции в организации.

Так, хозяйский мотивационный тип обнаружен у 52 % руководителей крупных подразделений, имеющих большую подчиненность. Это вполне ожидаемо, поскольку деятельность руководителей связана с максимальным уровнем ответственности, организации работы других и контролем.

Профессиональный мотивационный тип зафиксирован у 36 % руководителей, подразделение которых занимается высокоинтеллектуальным трудом, с высокой составляющей в профессиональной деятельности креатива и творчества.

Патриотический мотивационный тип был выявлен у 12 % руководителей, с наибольшим стажем работы в компании, при этом на втором месте у этих респондентов в индивидуальной мотивационной структуре был хозяйский тип, если речь шла о руководстве крупным подразделением, либо профессиональный, если руководитель управляет небольшим по численности подразделением, выдающим высокотехнологичный интеллектуальный продукт.

Интересно, что на предприятии у руководителей инструментальный тип мотивации в результате исследования не обнаружен. Это обусловлено особенностями корпоративной культуры компании и достаточной высокой оплатой труда.

В группе специалистов профессиональный тип был выявлен у 61 % респондентов, функциональные обязанности которых связаны конструкторской работой и с работой в области создания технологий, там, где необходимо создавать что-то новое, а не просто выполнять набор последовательных действий.

Инструментальный и патриотический типы зафиксированы у 14 % всех работников отдела продаж. Система оплаты труда в данном подразделении изначально крайне привлекательна для людей. Все сотрудники по-

лучают определенный процент от проданной продукции и готовы взять на себя ответственность ради достижения общей цели компании.

Хозяйский тип мотивации как ведущий выявлен у 11 % специалистов, которые по роду своей деятельности часто работают в проектных командах и являются лидерами этих команд, имея статус «менеджер проекта».

Таким образом, результаты исследования показали, что руководящие позиции преимущественно занимают сотрудники с хозяйским типом мотивации. Работники инструментального типа мотивации эффективны на позициях, где оплата их труда напрямую зависит от достигнутого результата. Сотрудники с профессиональным типом «включаются» тогда, когда задача интересна и амбициозна. Для работников с патриотической мотивацией коллектив – это вторая семья, они переживают за общее дело и очень производительны в коллективной работе и в процессах наставничества.

В настоящее время типологическая модель мотивации В. Герчикова на ООО «Машиностроительное предприятие «КОМПО» используется как для найма персонала, так и для создания систем материальной и нематериальной мотивации, систем обучения и развития, для работы с кадровым резервом, создание команд для работы по методикам проектного менеджмента.

Список литературы

1. Каверин, С. Б. Мотивация труда / С. Б. Каверин. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. – 224 с.
2. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб. : Питер, 2016. – 400 с.
3. Герчиков, В. И. Управление персоналом: работник – самый эффективный ресурс компании / В. И. Герчиков. – М. : ИНФРА-М, 2012. – 282 с.

*А. В. Лемешевская (И. В. Ковалевич)
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ТРЕВОЖНОСТИ

В современном мире для эффективности жизнедеятельности и повышения качества жизни каждому человеку все чаще приходится обращать внимание на то, каким способом предьявлять себя миру, какого отношения ждут люди друг от друга, как устанавливать контакты, получая больше удовольствия и меньше стресса. Психологическая культура, культура эмоций – те необходимые основания, которые могут позволить человеку повысить качество жизни в целом, избежать мелких неприятностей в каждодневном существо-

вании в нашем все ускоряющемся обществе. Становится недостаточным просто избегание стрессов, ведь многие факторы невозможно игнорировать. Нельзя просто закрыть глаза и не заметить, что случилась трагедия, что ушли близкие люди, что сбился привычный и комфортный ритм жизни. Целесообразнее в таких случаях обладать потенциалом стратегий противостояния стрессу, а не их вытеснения, например. Однако эту идею трудно донести людям, ведь рациональный ум европейца уверен, что эмоции не должны владеть человеком, что их нужно «выключить», чтобы не быть охарактеризованным как человек слабый, а, следовательно, не очень интеллектуально развитый, неконкурентоспособный, неуспешный.

Эмоциональная регуляция – то необходимое основание, которое может обеспечить эффективную социализацию, повысить удовлетворенность межличностными отношениями, улучшить качество жизни в целом. Эмоции необходимы не только для ориентации в жизненном мире, но и для понимания сути отношений между людьми. Понимая свои и чужие эмоции, удастся легче угадывать последствия действий и поступков людей, планировать собственное поведение, испытывать удовлетворение от того, что происходящее поддается объяснению, а не происходит каким-то случайным непонятным образом. Однако в современном обществе социализация, воспитание, образование, профессиональное становление ориентируется в основном на развитие когнитивной сферы человека.

Однако было бы ошибкой противопоставлять две эти сферы: когнитивную и эмоциональную. В своем взаимодействии они представляют собой единое целое. Различные расстройства психики объясняются одинаково – неадекватной оценкой когнитивной сферой воздействий внешней и внутренней среды и неадекватное улавливание значения этих воздействий для организма в целом. Рациональному интеллекту не удастся уйти от наиболее удобного стереотипа, уже много раз действующего в похожей ситуации. Из этого видится очевидным, что для успешной жизнедеятельности личности необходимо научиться находить гармоничное состояние баланса между когнитивной и аффективной сферой. Этого можно достичь в случае развития так называемого эмоционального интеллекта, что является общей тенденцией современной практической психологии, ратующей за развитие эмоциональной культуры как важной составляющей психологической культуры человека в целом.

По большому счету подобный интерес вызван тем, что сложилась такая ситуация, когда и в науке, и в образовании, и в быту интеллект чаще всего противопоставляют креативности, социальной эффективности, обыденному сознанию. Исследователи пробуют заполнить пропасть между когнитивным проявлением интеллекта и его аффективной стороной, показать, что эти две характеристики личности работают как единое целое и

изучать их в отдельности друг от друга нецелесообразно. В практических исследованиях отмечается перемещение интереса в изучении эмоционального интеллекта из области физиологии высшей нервной деятельности и общей психологии в рамки анализа данного феномена как социального аспекта и соотношения эмоций и разума, переживания и понимания.

Проблема высокой личностной и школьной тревожности, как показателя эмоционального неблагополучия учащихся, накладывает отпечаток не только на состояние их психического и физического здоровья, но и на их успешность в учебной деятельности. Тревожность является частым симптомом неврозов и функционального психоза, а также входит в синдромологию других заболеваний или является пусковым механизмом расстройства эмоциональной сферы личности. Основными причинами школьной тревожности являются конфликты между потребностями ребенка; противоречивые требования со стороны родителей и педагогов; неадекватные требования, не соответствующие психофизиологическому развитию ребёнка; конфликты воспитательной системы школы; негибкая, догматическая система воспитания в школе. Не обращать внимания на эти состояния означает нарушение требований индивидуального подхода к учащимся. Поэтому своевременная диагностика и умелая работа с такими состояниями составляет одну из компетенций педагогического профессионализма учителя.

На уровень тревожности влияет целый ряд факторов: когнитивные способности, психотип, самооценка учебной деятельности, нейротизм, уровень интеллекта, эмоциональное благополучие подростков и другие. Интересным представляется изучение личностной тревожности и ее взаимосвязь с эмоциональным интеллектом. В современном обществе проблема понимания и выражения эмоций стоит достаточно остро, поскольку в нем присутствует культ рационального отношения к жизни.

Целью исследования являлось определение эмоционального интеллекта у подростков с разным уровнем тревожности.

Исследование проводилось в ГУО «Средняя школа № 4 г. Бреста» в 11-ых классах. В исследовании принимали участие 45 подростков.

Для проведения эмпирического исследования по определению начального уровня эмоционального интеллекта были использованы две методики. Методика оценки «эмоционального интеллекта» (опросник EQ). Для изучения тревожности подростков применялась Методика Шкала тревожности А. М. Прихожан.

По итогам исследования были получены результаты, которые показали, что наиболее высокоразвитыми элементами эмоционального интеллекта у подростков является эмпатия (29% опрошенных) и эмоциональная осведомленность (также 29%). Средний уровень развитости данных качеств наблюдается соответственно у 40 и 42 % опрошенных подростков.

Следовательно, две трети подростков, участвующих в исследовании достаточно хорошо понимают и объясняют эмоции, которые в текущий момент времени они испытывают сами, а также это относится и к чувствам других людей. Также учащиеся достаточно хорошо распознают и умеют воздействовать на эмоции других людей (65 % обладают высоким и средним уровнем развитости этого качества).

Больше, чем у половины подростков отмечается нормальный и пониженный уровень тревожности. По шкале «Школьная тревожность», 47% опрошенных учащихся обладают «нормальной» тревожностью, 11% – чрезмерно спокойны. Самооценочная тревожность развита в исследуемой группе следующим образом: у 56% – нормальный уровень, у 22% отмечено «чрезмерное спокойствие». По показателю межличностной тревоги выявлены сходные показатели: 53% – «нормальный» уровень, 24% – очень спокойны. Соответствующие значения получены и для пункта «общая тревожность»: у 47% подростков он попал в зону «нормально», 24% – «спокойны». В целом по группе можно отметить достаточно спокойное отношение подростков к потенциально волнующим ситуациям.

Для того, чтобы выявить, существуют ли статистически значимые различия между элементами социального интеллекта у подростков с разным уровнем школьной тревожности, применим U-критерий Манна-Уитни. Для этого были сопоставлены значения количественных данных, полученных при эмпирическом исследовании эмоционального интеллекта для двух групп подростков – тревожных и не тревожных по шкале «Школьная тревожность».

По результатам статистического анализа ни одно полученное значение (расчет проводился по всем шкалам эмоционального интеллекта) не попал в зону значимости. Таким образом, нельзя говорить о статистически достоверных различиях в уровне развитости эмоционального интеллекта у подростков с разным уровнем тревожности.

Для повышения уровня эмоционального интеллекта целесообразно использовать трениговую работу с подростками. В соответствии с возрастными характеристиками эффективными являются упражнения по тренировке рефлексивности, социальной перцепции, распознаванию и преодолению барьеров в общении, тренировке умения разрешения конфликтных ситуаций.

*К. С. Михалькевич (Н. А. Окулич)
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И АЛЕКСИТИМИИ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

В настоящее время проблема компетентности личности в понимании и выражении эмоций стоит достаточно остро. Это обусловлено тем, что, как подчеркивает И. Н. Андреева, в современном обществе человеку навязывается культ успеха и достижений, культ рационального образа жизни и запрет на выражение отдельных эмоций и эмоциональную жизнь в целом. Все это происходит на фоне повышенной эмоциогенности условий жизнедеятельности личности и приводит не только к их вытеснению из сознания, тем самым делая невозможным управление ими, но и к их конверсии в психосоматические симптомы. Более того, чрезмерная увлеченность молодого поколения компьютерными технологиями, интернетом, социальными сетями препятствует развитию межличностного общения, значительно сужает поле непосредственного восприятия другого, способствуя росту отчуждения личности не только от чувств других людей, но и от своих собственных чувств, ослабляя контроль над ними.

Целью нашего исследования являлось изучение взаимосвязи эмоционального интеллекта и алекситимии у лиц юношеского возраста.

В исследовании приняли участие 40 респондентов (20 юношей и 20 девушек) в возрасте от 17–21 лет, студентов БрГУ имени А. С. Пушкина и БрГТУ. Методиками исследования были Тест эмоционального интеллекта (EQ) Н. Холла и Торонтская алекситимическая шкала.

Результаты теста эмоционального интеллекта Н. Холла распределились по выборке следующим образом. У большинства респондентов – 57 % (23 человека) отмечается низкий уровень эмоционального интеллекта, что указывает на их неумение правильно распознавать собственные эмоции и эмоции окружающих, эффективно управлять ими, а также на низкий уровень самомотивации и эмпатии. У 25 % (12 человек) респондентов средний уровень эмоционального интеллекта, что свидетельствует о достаточно хорошем понимании ими эмоций других людей и своих собственных и способности успешно справляться с ними. Только 8 % (5 человек) респондентов присущ высокий эмоциональный интеллект: эти люди хорошо распознают как свои эмоциональные реакции, так и эмоции других людей, что позволяет им эффективно адаптироваться к любой жизненной ситуации.

Были выявлены различия в распределении уровней эмоционального интеллекта у юношей и девушек, что отражено в таблице 1:

Таблица 1 – Распределение уровней эмоционального интеллекта у юношей и девушек

Уровень эмоционального интеллекта	Юноши (кол-во человек, %)	Девушки (кол-во человек, %)
Низкий	16 (89 %)	7 (40 %)
Средний	3 (9 %)	9 (48 %)
Высокий	1 (2 %)	4 (12 %)

Как видно из таблицы 1, большинства 89 % (16 человек) юношей характеризуются низким эмоциональным интеллектом. Вероятно, это обусловлено гендерными стереотипами: мужчины не желают выглядеть слишком эмпатичными, обычно сдерживают свои эмоции, проявляют больше эгоцентрических чувств и т.п. Девушки (48 %, или 9 человек), наоборот, способны проявлять интерес к чувствам других, демонстрируют частую смену настроения; при этом они и не всегда понимают, чем обусловлено это изменение.

Результаты Торонтской алекситимической шкалы свидетельствуют, что большинству респондентов (63 %) присущ алекситимический тип личности – они испытывают значительные трудности в проявлении и управлении своими эмоциями, в понимании эмоций других людей; у них снижена способность к фантазированию, образному мышлению, символизации и категоризации, что осложняет процесс коммуникации. При этом алекситимический тип личности свойственен преимущественно респондентам мужского пола (85 %), что соотносится с результатами предыдущей методики. У девушек количество респондентов с алекситимическим и неалекситимическим типами личности распределились поровну – по 50 %.

Сопоставив результаты, полученные для двух исследуемых выборок (таблица 2), можно констатировать, что чем ниже уровень эмоционального интеллекта, тем в большей степени респондентам присущ алекситимический тип личности.

Таблица 2 – Распределение показателей эмоционального интеллекта и алекситимии по выборкам юношей и девушек

Уровень эмоционального интеллекта	Алекситимический тип личности		Неалекситимический тип личности	
	юноши	девушки	юноши	девушки
Низкий	95 %	100 %	5 %	0 %
Средний	20 %	15 %	80 %	85 %
Высокий	0 %	0 %	100 %	100 %

Данные таблицы 2 показывают, что у респондентов обоего пола с высоким уровнем эмоционального интеллекта алекситимический тип лично-

сти отсутствует. Лицам юношеского возраста со средним уровнем эмоционального интеллекта в большей степени присущ неалекситимический тип личности.

Для выявления взаимосвязи между уровнем эмоционального интеллекта и алекситимическим типом личности использовался статистический критерий Спирмена. Было установлено, что теснота связи между двумя признаками – уровнем эмоционального интеллекта и алекситимией – статистически значима как для девушек ($r_s = 0,851$), так и для юношей ($r_s = 0,495$).

Таким образом, результаты исследования показывают, что существует взаимосвязь между уровнем эмоционального интеллекта и алекситимическим типом личности в юношеском возрасте: чем ниже уровень эмоционального интеллекта, тем в большей степени респондентам присущ алекситимический тип личности. При этом именно юношам, в отличие от девушек, характерно наличие низкого уровня эмоционального интеллекта и, соответственно, алекситимии, т.е. лица мужского пола чаще испытывают затруднения по идентификации своих и чужих эмоциональных состояний, что существенно осложняет их процесс коммуникации с окружающими людьми.

*Е. А. Пикула, А. А. Сташевская (Е. Е. Марченко)
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНОЙ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ К РЕШЕНИЮ РАЗЛИЧНЫХ ПРОБЛЕМ В РАЗВИТИИ ДЕТЕЙ

Проблема готовности к профессиональной деятельности молодых специалистов-психологов интересна не только и не столько с научной, сколько с практической точки зрения. Субъективное переживание желания и способности к решению тех или иных задач в своей работе определяет с одной стороны конкретные действия молодого специалиста на рабочем месте, а с другой – отражается на общей уверенности в себе и удовлетворенности своей работой и самим собой.

Для изучения особенностей субъективной оценки студентами-будущими психологами готовности к решению различных задач в будущей практической деятельности была разработана анкета. Выборка исследования: 31 студент БрГУ им. А. С. Пушкина дневной формы получения образования (3 и 4 курсов).

На основе анализа типичных запросов и нормативной деятельности педагога-психолога учреждений образования (И. В. Дубровина, А. А. Бодалев и др.) был выделен ряд типичных запросов. В анкете студентами пред-

лагалось оценить степень своей готовности и желания работать с различными проблемами (таблица 1).

Ни по одной из предложенных проблем в своем большинстве студенты не имеют субъективной уверенности в готовности к ее решению. По большинству запросов (тревожность, непослушание, нарушение привязанности, мелкая моторика, познавательные процессы, отсутствие умения учиться, курение) для студентов характерно переживание частичной готовности. Особенное ярко выделяется тот факт, что по наиболее острым проблемам современных детей и подростков (погруженность в компьютерные игры, гаджеты; употребление наркотиков, алкоголя; рискованное сексуальное поведение) у студентов типичными является либо переживание частичной, либо полной неготовности к работе.

Таблица 1 – Самооценка готовности и желания работать с различными проблемами (человек)

Проблемная сфера	Готовность			Желание	
	неготов(а) по знания	частично готов(а)	точно готов(а)	не хочу работать	хочу работать
тревожность, неуверенность	3	24	4	14	17
непослушание, разбалованность	5	24	2	21	10
нарушение привязанности	8	18	5	15	16
мелкая моторика	5	21	5	16	15
познавательные процессы	5	18	8	15	16
отсутствие умения учиться	4	20	7	15	16
погруженность в компьютерные игры, гаджеты	10	14	7	17	14
употребление наркотиков	13	15	3	14	17
курение	9	18	4	12	19
употребление алкоголя	10	16	5	12	19
рискованное сексуальное поведение	13	14	4	16	15

Также студентам предлагалось оценить данные проблемы с позиции желания работать с ними. Стоит подчеркнуть, что, несмотря на относительно небольшое число студентов с высокой оценкой «теоретической» подготовленности, практически по всем предложенным вариантам было зафиксировано значительное число студентов, мотивированных на работу.

Наиболее привлекательными для студентов выступают темы курения, употребления алкоголя и наркотиков, тревожности. Наименее привлекательным запросом – проблемы детского непослушания.

Также установлено, что при невозможности оказания помощи, многие из опрошенных знают, куда можно перенаправить клиентов для консультации в их городе. Некоторые из них могут дать конкретные координаты для связи (12,9 %), остальные знают о существовании специалистов, работающих с данными проблемами в их городе, но не знают точных контактов (45,2 %) либо не имеют данных о фамилиях и контактах (25,8 %). Среди будущих психологов есть те, кто вообще не знает, куда можно перенаправить клиентов (16,1 %).

Проведенное исследование обнаруживает конкретные проблемы не столько в теоретической или практической, сколько в формировании личностной готовности будущих психологов к профессиональному саморазвитию и самосовершенствованию.

*И. В. Потапенко (О. В. Маркевич)
Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины*

СЕМЕЙНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Вопросы семьи, семейных отношений и воспитания в семье всегда вызывали интерес со стороны ученых-психологов и представителей других наук. Вместе с тем следует сказать, что семья, как и ее аспекты, в рамках науки всегда имели амбивалентный, или, иначе говоря, двойственный характер. Семья – это малая социальная группа, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта, взаимной моральной ответственностью и социальной необходимостью, которая возникает по причине потребности общества в физическом и духовном воспроизводстве населения.

В психологических теориях особое место отведено взаимоотношениям родителя и ребенка как источнику детского развития. В зарубежной психологии специфика детско-родительских отношений исследовалась в рамках психоаналитического направления (Э. Эриксон, З. Фрейд, Э. Фромм, Д. Винни-

кот и др.). Кроме того, этой проблеме уделяли внимание представители бихевиорального (Дж. Уотсон, Р. Сирс, Б. Скиннер) и гуманистического (Т. Гордон, К. Роджерс и В. Сатир) направлений.

Постоянное общение со взрослыми формирует социально приемлемые нормы поведения детей, что помогает регулировать их взаимоотношения с окружающим миром и осваивать разнообразные приемы организации поведения. Рассматривая вопрос детско-родительских отношений, в первую очередь, необходимо отметить тот факт, что ребенок осознает себя через отношения с другими людьми. Эти отношения оказывают влияние на успехи и неудачи ребенка, определяют развитие личности ребенка в целом. В отличие от всех других видов межличностных отношений, детско-родительским отношениям присущ ряд особенностей: во-первых, для детско-родительских отношений характерна сильная эмоциональная значимость как для ребенка, так и для родителей; во-вторых, эти отношения характеризуются амбивалентностью, так как, с одной стороны, долг родителей уберечь ребенка от опасности, а, с другой, родители должны предоставить ребенку возможность приобрести опыт самостоятельного взаимодействия с внешним миром. Иначе говоря, обязанность родителей заключается не только в заботе о ребенке, но и в обучении ребенка заботе о самом себе.

Стоит отметить, что, несмотря на возраст, дети являются полноценными участниками конфликтов, т.к. имеют такие же права на свои интересы, как и взрослые. Однако, каким способом будет решен конфликт, в большей степени зависит от родительской позиции и от отношений взрослых с ребенком.

В психодиагностическом исследовании принимало участие 72 респондента: дети в возрасте от 7 до 12 лет и взрослые в возрасте от 28 до 36 лет (36 детей – 18 девочек и 18 мальчиков и их родители – 8 отцов и 26 матерей). Использовались следующие методики: опросник родительской позиции Е.Л. Пороцкой, В.Ф. Спиридонова; опросник родительского отношения (ОРО) А.Я. Варг и В.В. Столин; проективная методика исследования личности Р. Жилия.

В результате анализа была выделена группа родителей, стремящихся обогатить развитие ребенка и ускорить этот процесс, невзирая на возрастные особенности и потребности ребенка (65% испытуемых), и группа родителей, менее стремящихся обогатить развитие ребенка и ускорить этот процесс (35% испытуемых). Было выявлено, что дети, чьи родители относятся к первой группе (амплификация), демонстрируют большую привязанность к матери и ухудшение отношения с братьями и сестрами. Такой ребенок может пытаться искать защиты у матери и «сливать» весь свой негатив, вызванный тем, что ему не нравится, тем, что его постоянно заставляют делать то, что он не хочет, тем, что его подгоняют, на братьев и

сестер. Дети, родители которых относятся ко второй группе (акселерация), демонстрируют улучшение отношений и с сиблингами, и ухудшение отношения к матери.

Таким образом, ограничение симбиоза в отношении к ребенку помогает ему самому научиться справляться с своими неудачами, а принятие со стороны родителей может привести к увеличению его агрессивности и конфликтности. Выявилась взаимосвязь между ведомостью ребенка, стремлением быть ближе к взрослому и авторитарной гиперсоциализацией, симбиозом и кооперацией как типами отношения к нему. Причиной этому может быть ощущение своей несостоятельности, которая, вероятно, возникает на фоне слишком сильного контроля со стороны родителей, стремления ограждать его от всех трудностей и опасностей и стремлением родителя быть с ребенком на равных.

Список литературы

1. Карабанова, О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования [Текст] / О. А. Карабанова. – М. : Гардарики, 2005.
2. Беляева, Н. И. Влияние стиля семейного воспитания на формирование личности ребёнка [Текст] / Н. И. Беляева // INSITU. – 2016. – № 4.

*С. В. Пстыга (В. Ю. Москалюк)
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТИ К СУИЦИДАЛЬНОМУ РИСКУ В СТАРШЕМ ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Высокий уровень самоубийств в большинстве развитых стран мира ставит вопрос о причинах возникновения этого явления и способах его предупреждения. Суицидальное поведение строится на основе внутриличностного конфликта, а для этого необходима особая личностная предрасположенность, вследствие которой индивид оказывается не в состоянии справиться с актуальной проблемой [1]. Суицидальное поведение учащается с возрастом, достигая максимума в пубертате. Именно в подростковом возрасте происходят наиболее значимые изменения в становлении личности, в данный период протекает острый кризис саморегуляции, меняется мировоззрение, ценности и психический статус. Поэтому подростковый возраст наиболее сензитивен для моральных переживаний, что зачастую подталкивает ребенка к суицидальным действиям [2].

Представим результаты исследования старших подростков с помощью опросника суицидального риска, разработанного Т. Н. Разуваевой. Выборка исследования составила 30 учащихся в возрасте 13–15 лет: 15 девочек-подростков и 15 мальчиков-подростков.

Большинству респондентов свойственны такие факторы суицидального риска как «социальный пессимизм» (60 % от общего числа опрошенных) и «антисуицидальный фактор» (60 %). Таким образом, более половины респондентов воспринимают мир как враждебный, не соответствующий представлениям о нормальных или удовлетворительных для человека отношениях с окружающими. Вместе с тем, даже при высокой выраженности всех остальных факторов есть фактор – антисуицидальный фактор, который снижает глобальный суицидальный риск. Он связан с глубоким пониманием чувства ответственности за близких, чувством долга. Каждый третий респондент характеризуется аффективностью и несостоятельностью. Это свидетельствует о высокой аффективной вовлеченности при реагировании на различные события, личностной незрелости подростков данного возраста.

Опишем результаты сравнительного анализа наличия/отсутствия факторов суицидального риска у мальчиков-подростков и девочек-подростков.

Фактор «демонстративность» выявлен у 20 % мальчиков-подростков и 33 % девочек-подростков. Их характеризует желание привлечь внимание окружающих к своим несчастьям, добиться сочувствия и понимания. Оцениваемое из внешней позиции порой как «шантаж», демонстративное «выпячивание трудностей», в том числе демонстративное суицидальное поведение переживается изнутри как «крик о помощи».

Аффективность выявлена у 33 % мальчиков-подростков и 27 % девочек-подростков. Данный фактор проявляется как доминирование эмоций над интеллектуальным контролем в оценке ситуации, как готовность реагировать на психотравмирующую ситуацию непосредственно эмоционально, что затрудняет реалистичное и рациональное видение ситуации.

Уникальность свойственна 33 % мальчиков-подростков и 7 % девочек-подростков. Фактор связан с восприятием себя, ситуации и собственной жизни в целом как явления исключительного, не похожего на другие и подразумевающего исключительные варианты выхода, в частности, суицид. Таким образом, мальчики-подростки из данной группы не всегда умеют использовать свой и чужой жизненный опыт в трудной жизненной ситуации.

Для 40 % мальчиков-подростков и 27 % девочек-подростков свойственна несостоятельность. У этих респондентов выявлена отрицательная концепция собственной личности, то есть представление о своей несостоятельности, некомпетентности, ненужности, «выключенности» из мира. Речь может идти о физической, интеллектуальной, моральной и иной несостоятельностью, что выражается в формуле «Я плохой/плохая».

Социальный пессимизм свойственен 80 % мальчиков-подростков и 37 % девочек-подростков. Высокая выраженность данного показателя (наличие суицидального риска) зафиксирована у одной девочки-подростка, что свидетельствует об отрицательной концепции окружающего мира. Для этих подростков характерно восприятие мира как враждебного, не соответствующего представлениям о нормальных или удовлетворительных для человека отношениях с окружающими, реализуется формула «Вы все недостойны меня».

Фактор «слом культурных барьеров» выявлен у 13 % мальчиков-подростков и 40 % девочек-подростков, что проявляется как поиск культурных ценностей и нормативов, оправдывающих суицидальное поведение или делающих его в какой-то мере привлекательным, заимствование суицидальных моделей поведения из литературы и кино («культ самоубийства»). Одна из возможных внутренних причин культа смерти – доведенная до патологического максимализма смысловая установка на самодеятельность: «Вершитель собственной судьбы сам определяет конец своего существования».

Фактор «максимализм» выражен только у 20 % мальчиков-подростков. Высокая выраженность данного показателя (наличие суицидального риска) зафиксирована у 13 % старших подростков (от мужской выборки в целом), что проявляется в инфантильном максимализме ценностных установок. У этих респондентов на все сферы жизни распространяется локального конфликта в какой-то одной жизненной сфере, что связано с невозможностью его компенсации и аффективной фиксацией на неудачах.

У 20 % мальчиков-подростков выявлен фактор «временная перспектива». Данный фактор характеризуется невозможностью конструктивного планирования будущего. Это может быть следствием сильной погруженности в настоящую ситуацию, трансформацией чувства неразрешимости текущей проблемы в глобальный страх неудач и поражений в будущем.

Антисуицидальный фактор выявлен у 40 % мальчиков-подростков и 80 % девочек-подростков. При выраженности данного фактора снимается глобальный суицидальный риск, что связано с глубоким пониманием чувства ответственности за близких, чувством долга, представлением о греховности самоубийства, его антиэстетичности, боязнью боли и физических страданий. В определенном смысле этот показатель устанавливает наличный уровень предпосылок для психокоррекционной работы.

Таким образом, большинству мальчиков-подростков свойственна выраженность таких факторов как «уникальность», «несостоятельность» и «социальный пессимизм», большинству девочек-подростков – таких факторов как «социальный пессимизм», «слом культурных барьеров» и «антисуицидальный фактор»; количественная выраженность факторов «демонстративность» и «аффективность» варьирует; «максимализм» и «временная перспектива»

свойственны только мальчикам-подросткам. В выборке есть подростки, у которых есть предпосылки к суицидальному поведению («группа риска») в количестве 3 человек: два мальчика-подростка (высокие значения максимализма) и одна девочка-подросток (высокие значения социального пессимизма). Следовательно, у 10 % респондентов наличие факторов суицидального риска имеют высокую выраженность, у 90 % – низкую выраженность, что можно рассматривать как благоприятную тенденцию. Вместе с тем, каждый подросток может оказаться в зоне суицидального риска суицида, так как помимо выраженности определенных, провоцирующих желание уйти из жизни, факторов в организме подростка происходят гормональные изменения, которые также могут повлиять на его поведение. В этой связи профилактика суицида является актуальной в данном возрасте.

Список литературы

1. Хиллман, Дж. Самоубийство и душа / Дж. Хиллман. – М. : Когито-центр, 2004. – 196 с.
2. Визель, Т. Г. Девиантное поведение подростков. Теории и эксперименты / Т. Г. Визель. – Тула. : МГПУ, 2007. – 341 с.

*А. В. Румачик (М. П. Осипова)
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*

ПОЗИТИВНЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОСНОВА НЕНАСИЛЬСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ «ДЕТИ И РОДИТЕЛИ»

Насилием является воздействие одного человека на другого, применение к нему физической силы, принудительное воздействие на кого-либо, нарушение личной неприкосновенности [1]. Насилие в семье очень древнее явление в жизни практически всех народов мира. Самым распространенным видом насилия по отношению к детям, является психологическое насилие.

Среди основных причин проявления актов насилия в семье по отношению к детям ученые называют: стрессы, бедность, патриархальные ценности, социальная изоляция, отсутствие социальной поддержки, безработица, низкий уровень образования родителей, отсутствие навыков воспитания детей, развод и связанное с ним дифференцированное отцовство или материнство, большие семьи, нежеланный ребенок в семье, а также ряд других проблем на индивидуальном, семейном и социальном уровне [2].

Не всегда родители понимают, что их действия по отношению к ребенку являются насильственными. К таким действиям относятся приказыва-

ния, требования, нравоучения, упреки. Родители считают, что действуют позитивно, хотят сделать как лучше для своего ребенка, однако дети воспринимают это как агрессию по отношению к ним.

В настоящее время подавляющее большинство исследователей признает, что применяемое по отношению к детям наказание со стороны их родителей, в частности физическое, выступает как модель агрессивного поведения. Наказание заставляет переживать ребенка раз за разом чувство озлобленности, обиды, мстительности, враждебности, создает условия для формирования агрессивности как устойчивой черты личности.

По мнению Р.В. Овчаровой, дети в силу ограниченности своего опыта, считают себя плохими, глупыми, раз самые близкие люди – их родители – их не любят. На этой почве легко формируется неуверенность в себе, недоверие к окружающим, неверие в себя, уход в фантазии [3].

Как свидетельствует наш опыт работы в школе, многие проблемы связанные с насильственным взаимодействием, родители могут избежать, если будут знать и использовать в общении с детьми ряд практических рекомендаций. Перечислим некоторые из них.

Родителям необходимо больше уделять внимания формированию круга интересов ребенка, учитывать особенности его характера и способностей, привлекать его к положительно формирующим личность занятиям: чтению, музыке, спорту, рисованию.

Избегать применения силы в ответ на агрессивное поведение детей. Родители должны стараться отмечать положительные и интересные стороны ребенка, не концентрировать свое внимание только на отрицательных моментах.

Необходимо прислушиваться к чувствам детей, поощрять их открытость. Но родители не должны затем использовать эту информацию для наказания или для предъявления упрека ребенку, а направлять энергию и агрессию детей в другое русло. Это может быть работа физического характера, которая поможет ребенку «нейтрализовать» свою агрессию (рвание бумаги, ломание палки и т.п.).

Родителям, в первую очередь, необходимо контролировать собственные агрессивные импульсы, не забывать, что они все же старше детей и имеют большой жизненный опыт. Дети учатся приемам социального взаимодействия, прежде всего, путем наблюдения за поведением окружающих людей, но главным образом они учатся на примере собственных родителей.

Безусловно, родители должны уважать личность своего ребенка, считаться с его мнением, воспринимать всерьез его чувства. Потому нужно предоставлять ребенку достаточную свободу и независимость, за которую он будет сам нести ответственность. У ребенка должна быть своя территория, вход на которую взрослым позволен только с его согласия. Ошибоч-

ным, как считает Г. И. Малейчук, является мнение некоторых родителей, которые думают, что у их детей не должно быть никаких секретов от родителей. В связи с этим родителям недопустимо рыться в вещах ребенка, читать его письма, подслушивать телефонные разговоры ребенка. Если ребенок доверяет родителям и видит в них старшего друга, а не агрессора, он сам обо всем расскажет, при необходимости попросит совета, помощи [4].

Также важно, как свидетельствует наш опыт работы с семьями младших школьников, придумывать вместе с детьми различные правила, которые будут направлены на предотвращение насильственного поведения как в отношении детей со стороны их родителей, так и в отношении детей со сверстниками. Родители не должны забывать хвалить ребенка за старательность. Он лучше реагирует на похвалу, когда видит, что родители действительно довольны им. Такая похвала позволяет детям почувствовать, что они могут произвести хорошее впечатление.

Родителям необходимо исключать ситуации, которые могут спровоцировать ребенка на негативное поведение в отношении других. Предоставлять возможность ребенку получить эмоциональную разрядку в игре, спорте и т.п.

Педагогам, с целью оказания помощи семье, важно совместно с родителями учиться диагностировать семейные отношения, что хорошо представлено в работе И. В. Лыбко «Диагностика семейных отношений» [5].

Таким образом, позитивные отношения детей и родителей в первую очередь держатся на любви между родителями и детьми, адекватности в воспитании своего ребенка, их позитивной жизненной позиции. В семье с «теплыми» контактами, уважительным отношением к детям у них активнее формируются такие качества личности, как коллективизм, доброжелательность, инициативность, умение разрешать конфликтные ситуации. Как свидетельствуют результаты нашей опытно-экспериментальной работы в авторитарных семьях формирование этих качеств затрудняется, сдерживается, искажается, а в ряде случаев становится невозможным, так как родители не всегда идут на сотрудничество со специалистами, отказываются от психолого-педагогической помощи.

Список литературы

1. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова – 4-е изд., М. : Высшая школа, 1993. – 944 с.

2. Ганджи, П., Дуст, М. Я., Хакиминия, Б. Исследование семейных факторов, влияющих на насилие над детьми со стороны родителей / П. Ганджи, М. Я. Дуст, Б. Хакиминия // Молодой ученый. – 2013. – №7. – С. 366–369.

3. Овчарова, Р. В. Психология родительства. / Р. В. Овчарова. – М. : «Академия», 2005. – 368 с.

4. Малейчук, Г.И. Детская агрессия. Профилактика и коррекция / Г. И. Малейчук ; под общ. ред. М. П. Осиповой – Брест : БрГУ, 2012. – 101 с.

5. Лыбко, И. В. Диагностика семейных отношений : учеб.-метод. комплекс / И. В. Лыбко : БрГУ, 2017. – 135 с.

*А. А. Сташевская (Е. Е. Марченко)
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И СОЦИОМЕТРИЧЕСКОГО СТАТУСА В ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ КАК ОБЪЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Эмоциональный интеллект является относительно «новым» объектом изучения в психологии. Однако сейчас уже накоплено достаточно фактов, свидетельствующих в пользу того, что данная особенность выступает значимой для успешности социального взаимодействия человека на разных этапах онтогенеза. Как отмечает И.Н. Андреева, высокоразвитый эмоциональный интеллект способствует не только конгруентности эмоциональных состояний и их проявлений, но и позитивному самоотношению, которые дают возможность устанавливать глубокие и тесные взаимоотношения с другими людьми [1].

Собственно термин «эмоциональный интеллект» был введен в психологический тезаурус в 1990 г. Дж. Мейером и П. Саловеем. Они определили этот феномен как способность тщательного постижения, оценки и выражения эмоций; способность понимания эмоций и эмоциональных знаний; а также способность управления эмоциями, которая содействует эмоциональному и интеллектуальному росту личности [2, с. 48]. В Беларуси изучением эмоционального интеллекта занимались Т. П. Березовская, А. П. Лобанов, Е. А. Лобанов и др.

Особый интерес в этом контексте представляет дошкольный возраст, как период активного становления личности [3]. Во многих странах Европы и Америки реализуются специальные программы развития эмоционального интеллекта детей [2, с. 230]. В Беларуси также появляются частные Центры и фирмы, предлагающие услуги по развитию эмоционального интеллекта детей разных возрастов.

Именно в дошкольном возрасте можно ожидать, что эмоциональный интеллект будет не просто формироваться, но уже и определять особенности взаимодействия детей друг с другом. Известно, что к старшему до-

школьному возрасту в детских группах (например, в детском саду) наблюдается дифференциация общения детей, выстраивается социометрическая структура группы и, соответственно, оформляется позиция ребенка внутри группы сверстников.

В исследованиях (Я. Л. Коломинский, Т. А. Репина, В. Р. Кисловская, А. В. Кривчук, В. С. Мухина и др.) было показано, что в дошкольном возрасте (от 3 до 7 лет) стремительно увеличивается структурированность детского коллектива. Так одни дети становятся более предпочитаемыми большинством в группе детского сада, а другие могут занимать положение изолированных или даже отвергаемых [4].

В ходе ряда исследований, выполненных под руководством М. И. Лисиной, было замечено, что к 4 годам сверстник становится все более предпочитаемым партнером по общению, чем взрослый. При этом общение дошкольников со сверстниками характеризуется рядом специфических особенностей, среди которых богатство и разнообразие коммуникативных действий, чрезвычайная эмоциональная насыщенность, нестандартность и нерегламентированность коммуникативных актов. Все это свидетельствует в пользу значимости этих контактов для психического развития. Наряду с этим дети характеризуются низкой степени чувствительности к воздействиям сверстника, преобладанием инициативных действий над ответными [5].

Логичным будет ожидать, что особенности эмоционального социального интеллекта ребенка опосредуют взаимодействие со сверстниками, выступая как способствующие или препятствующие успешности взаимодействия с другими детьми. Однако остается открытым вопрос о том, как именно обнаруживается эта связь у современных дошкольников, в жизни которых активно представлены гаджеты. Можно предположить, что социальная ситуация развития детей, рожденных родителями-миллениалами, может быть достаточно искаженной по сравнению с «нормативными» показателями, описанными в советской психологии. В связи с этим изменяется и становление потребности в общении со сверстниками, изменяется

Список литературы

1. Андреева, И. Н. Понятие и структура эмоционального интеллекта / И. Н. Андреева // Социально-психологические проблемы ментальности: материалы 6-й междунар. науч.-практ. конф., Смоленск, 26 – 27 нояб. 2004 г.: в 2-х ч.; редкол.: В.А. Сонин [и др.]. – Смоленск: СГПУ, 2004. – Ч. 1. – С. 22–26.
2. Орме, Г. Эмоциональное мышление как инструмент достижения успеха / Г. Орме. – М. : КСП, 2003. – 272 с.

3. Бреслав, Г. М. Эмоциональные особенности формирования личности в детстве: норма и отклонения / Г. М. Бреслав. – М. : Педагогика, 1990. – 140 с.

4. Психологические проблемы нравственного воспитания детей – М. : Просвещение, 1977. – 180 с.

5. Развитие социальных эмоций у детей дошкольного возраста: психологические исследования / Под ред. А. В. Запорожца, Я. З. Неверович. – М. : Просвещение, 1986. – 96 с.

В. А. Чемеревская (И. Е. Валитова)
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

СТАНОВЛЕНИЕ ОБРАЗА ТЕЛЕСНОГО «Я» В ОНТОГЕНЕЗЕ

Отношение человека к своему телу многократно изучалось рядом ученых, однако единого мнения на данный вопрос нет. Образ телесного «Я» является одним из основных Я-образов личности. Е. Т. Соколова [1, с. 22] описывает образ телесного «Я», как «сложное комплексное единство восприятия, установок, оценок, представлений, связанных с телесной внешностью и с функциями тела».

Существует несколько точек зрения о том, как происходит становление образа телесного Я. Для начала рассмотрим концепцию М. Малер, где процесс развития рассматривается, как взаимосвязь двух процессов: разделения и индивидуализации. Она выделяла следующие этапы:

1) ощущение своего физического тела, осознание чувства комфорта и дискомфорта в младенческом возрасте.

2) отделение «Я» от «не Я», т.е. своего тела от окружающей внешней среды.

С точки зрения В. Столина [2], способность осознавать появляется у человека вследствие способности разделять: себя-наблюдателя от себя-наблюдаемого, себя-отдельного от окружающей среды, наблюдаемой фигуры от общего фона. И свое развитие эта способность получает в тот момент, когда младенец начинает осознавать отдельность своего Я от окружающего мира с помощью ощущения своих телесных границ.

3) осознание своих частей тела и их взаимодействия.

4) движение тела по пространству. Это очередной этап, который выделяет В. Столин [2] – это начало ходьбы. В процессе овладения своим телом ребенок осознает, что разные части тела работают вместе и действуют определенным образом. Появляется понимание взаимодействия между различными частями тела, возможности контроля своих движений и гра-

ниц тела. Когда ребенок учится ходить, то получает кардинально новый опыт вертикального положения и необходимости удерживать равновесие.

5) в образ телесного «Я» включаются элементы гендерной идентичности. Этот этап можно соотнести с ключевым этапом развития самосознания, по В. Столину, с этапом формирования полоролевой идентичности, который соответствует фаллической стадии развития по З. Фрейду.

б) этап старения: осознание своей смертности и процессов старения.

Схожий взгляд можно заметить и у М. В. Агаревой [3], которая выделила следующие этапы развития телесного «Я»:

- восприятие собственного тела;
- уяснение ребенком своих границ тела, его возможных положений и соотношений его частей.
- формирование чувства телесного «Я»;
- различение Я и не-Я и укрепление границ Я, формирование схемы собственного тела;
- формирование представлений о собственном теле;
- понимание концепции тела;
- собственно проявление образа телесного Я.

Согласно одному из положений концепции структуры самосознания В. С. Мухиной [4], образ тела в онтогенезе выступает в качестве первоосновы формирования структуры самосознания и включается во все его звенья: притязание на признание, половая идентификация, психологическое время личности (индивидуальное прошлое, настоящее, будущее), социальное пространство личности, реализуемое через права и обязанности. Идентификация и обособление представлены как универсальные психологические механизмы формирования самосознания личности.

Образ тела является важнейшей характеристикой, обуславливающей процесс половой идентификации. Уже на ранних этапах онтогенеза ребенок может отнести свой телесный облик к тому или иному полу. По мнению В. С. Мухиной образ тела оказывается тесно связанным с психологическим временем личности. Если на ранних этапах онтогенеза ребенок воспринимает свою телесность в настоящем и еще смутно представляет перспективы изменения своего тела, то на более поздних этапах онтогенеза он способен строить идеальные модели своего тела и развивать ту или иную степень активности по реализации их в будущем.

Иной взгляд на процесс развития телесного «Я» представлен в работах Л. В. Кочкиной [5], которая делает акцент на кризисных изменениях, происходящих с человеком. Она считает, что в раннем возрасте формируются границы телесного Я, а сами представления об этих границах закладываются уже в дошкольном возрасте, причем после того, как происходит гендерная идентификация.

Обобщив различные подходы, можно выделить следующие этапы процесса становления образа телесного «Я» в онтогенезе:

1 этап: восприятие и ощущение собственного тела, осознание чувства комфорта и дискомфорта;

2 этап: осознание границ собственного тела, соотношение различных частей тела, их взаимодействия;

3 этап: разделение «Я» «не Я» (отделение своего тела от окружающего пространства);

4 этап: формирование схемы тела;

4 этап: формирование представлений о собственном теле;

5 этап: включение элементов гендерной идентичности в образ телесного «Я»;

6 этап: формирование концепции тела;

7 этап: проявление образа телесного «Я».

Список литературы

1. Соколова, Е. Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности / Е. Т. Соколова. – М. : МГУ, 1989. – С. 22.

2. Столин, В. В. Самосознание личности / В. В. Столин. – М. : Издательство Московского университета, 1983. – 284 с.

3. Агарева, М. В. Соматический аспект содержания процесса образования / М. В. Агарева // Молодой ученый. – 2012. – №1. Т.2. – С. 57–59.

4. Мухина, В. С. Детская психология / В.С. Мухина. – М. : Просвещение, 1985. – 272 с.

5. Кочкина, Л. В. Становление физического Я в дошкольном возрасте : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / Л. В. Кочкина. – Москва, 2007. – С. 6–8.

Е. И. Черкас (Н. В. Былинская)

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННОЙ СТРАТЕГИИ И РОЛЕВЫХ ОЖИДАНИЙ В БРАКЕ В ПЕРИОД ВЗРОСЛОСТИ

Аналитический обзор исследований и концепций зарубежных (А. Адлер, Ш. Бюлер, Г. Крайг, А. Маслоу, К. Роджерс, В. Сатир, У. Харли, Р. Хейвингхёрст и др.) и отечественных (К. А. Абульханова-Славская, Т. В. Андреева, О. С. Васильева, К. В. Карпинский, Н. В. Логинова, Н. Н. Обозов, Н. И. Олифиревич, С.Л. Рубинштейн и др.) учёных позволил сделать вывод о том, что в настоящее время проблема взаимосвязи жизненной стратегии и ролевых ожиданий в браке относится к ряду актуаль-

ных проблем современной психологической науки и практики. Под жизненной стратегией следует понимать совокупность основанных на отрефлексированном жизненном опыте, личностных свойствах, способностях, навыках, знаниях и мировоззрении осмысленных способов постановки и достижения целей, принятия решений и реализации планов [1; 3; 4; 5; 10].

Анализ научных взглядов А. Адлера, Ш. Бюлер, К. В. Карпинского, Н. В. Логиновой, С. Л. Рубинштейна позволил сделать вывод о том, что жизненная стратегия начинает формироваться с детства и затем на протяжении каждого из этапов жизненного пути совершенствуется по мере развития личности [1; 5; 7]. Согласно научным представлениям Г. Крайг и Р. Хейвингхёрста, выстроенная жизненная стратегия должна способствовать эффективному решению основных возрастных задач того или иного периода жизненного пути. Одной из основных задач периода взрослости является выработка умения адекватными способами выполнять ролевые ожидания супруга в браке [6]. По мнению Т. В. Андреевой, А. Н. Волковой, Н. И. Олифирович, под ролевыми ожиданиями в браке следует понимать установку одного супруга на активное удовлетворение в соответствии со своими возможностями потребностей другого супруга, а также установку на выполнение ряда супружеских обязанностей. Содержание и требования к выполнению ролевых ожиданий в браке формируются на основе жизненных стратегий супругов. С целью адекватного выполнения ролевых ожиданий в брачно-семейных отношениях супругам на протяжении всего жизненного цикла семьи необходимо обсуждать ожидания друг друга и согласовывать их со своими индивидуальными жизненными стратегиями [2; 8; 9].

Целью настоящего эмпирического исследования являлось изучение жизненной стратегии и ролевых ожиданий в браке в период взрослости. В исследовании принимали участие 120 респондентов, среди которых 60 супружеских пар в возрасте от 21 до 25 лет и 60 супружеских пар в возрасте от 26 до 40 лет. В качестве диагностического инструментария использовались методики «Тест смысложизненных ориентаций» (СЖО), «Самоактуализационный тест» (САТ), «Опросник терминальных ценностей» (ОТеЦ), «Ролевые ожидания и притязания в браке» (РОП).

Результаты исследования показали, что жизненная стратегия, присущая преобладающему большинству (более 55 %) респондентов в возрасте от 21 до 25 лет, имеет следующую специфику. При постановке жизненных целей молодым людям свойственно руководствоваться актуальными на текущее время потребностями, ценностями, взглядами, убеждениями и принципами. При выборе путей реализации планов по достижению целей, учитывая своё мировоззрение, смысл и направленность жизни, молодые люди руководствуются теми способами и методами, которые уже использовались ими ранее либо применялись другими, знакомыми им людьми и оказались эффек-

тивными, приведя к желаемому результату. Разрешая жизненные противоречия, преодолевая трудности, выбирая стратегию поведения в конфликтах эти люди, как правило, испытывают необходимость в понимании и поддержке со стороны значимых людей, в частности, со стороны брачного партнёра, в лице которого они стремятся найти человека, с которым можно поделиться переживаниями, обсудить проблемы, вместе достичь жизненных целей.

Соответствующие жизненной стратегии ролевые ожидания в браке у респондентов в возрасте от 21 до 25 лет характеризуются следующими особенностями. Как мужчинам, так и женщинам свойственно ожидать от своего супруга общности интересов, увлечений, ценностей, мнений по различным вопросам, схожести взглядов на те или иные аспекты жизни. В отношениях со своим супругом молодые люди стремятся к поиску общих целей и оптимальных для обоих средств их достижения. Проводить как можно больше времени со своим супругом, заниматься общим делом, реализовывать совместные планы является приоритетной областью брачно-семейных отношений для молодых людей. Молодые мужчины и женщины готовы находить компромисс в вопросах, связанных с воспитанием детей, а также при разделении между друг другом хозяйственно-бытовых обязанностей. Супруги, как правило, поощряют стремление друг друга к активному продвижению по карьерной лестнице.

Свойственная более 60% респондентов в возрасте от 26 до 40 лет жизненная стратегия имеет следующие особенности. При планировании своей текущей жизни, а также ближайшего будущего, этим людям свойственно руководствоваться потребностью в обеспечении как можно более высокого уровня удовлетворённости жизнью, в особенности для своей семьи, продуктивности и результативности жизни. Результативность и продуктивность жизни оценивается этими людьми, исходя из количества значимых достижений в профессиональной сфере и семейной жизни. Оценивая значимость достижений в этих сферах, зрелые мужчины и женщины ориентируются преимущественно на то, чего достигли другие люди им знакомые. Выбирая пути достижения целей, реализации планов, разрешения конфликтов, противоречий и преодоления трудностей эти люди стремятся найти методы и способы, эффективность которых очевидна, либо проверена на личном опыте или опыте других людей в прошлом.

Ролевые ожидания, присущие респондентам в возрасте от 26 до 40 лет, можно описать следующим образом. Мужчины в браке преимущественно стремятся к тому, чтобы их жёны выполняли роль «хороших хозяек», т.е. исправно выполняли ряд хозяйственно-бытовых обязанностей в соответствии со своими возможностями. Они также проявляют выраженное стремление к взятию на себя полного контроля за обеспечением материального, в том числе финансового благополучия семьи. Женщины стремятся к равноправному

разделению с супругом обязанностей по хозяйственно-бытовым вопросам. Мужчинам присуще стремление к общности интересов, увлечений, ценностей, но в тоже время они не ожидают от своих жён понимания и поддержки. Женщины в этих супружеских парах, наоборот, имеют потребность видеть в лице супруга понимающего, поддерживающего и всегда готового выслушать, прийти на помощь человека, но не стремятся к общности увлечений, ценностей, интересов. Мужчины и женщины в этих парах имеют схожие представления о методах воспитания детей и готовы разделять между собой обязанности по уходу за ними. Как мужчины, так и женщины стремятся к достижению карьерных вершин в профессиональной деятельности, однако женщины в этих супружеских парах в большей степени, чем мужчины, готовы поощрять и поддерживать своего супруга на пути к достижению успехов в продвижении по карьерной лестнице.

Таким образом, анализ полученных данных показал, что в период взрослости жизненная стратегия мужчин и женщин имеет свои особенности, которые преимущественно касаются отношения к партнеру, занимаемой позиции в семье, моделей поведения супругов в проблемных ситуациях. При этом жизненная стратегия, сформированная в личном опыте каждого субъекта, опосредует ролевые ожидания супругов в браке, специфика выполнения которых предопределяет психологический климат и благополучие в семье.

Список литературы

1. Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. – М. : Мысль, 1991. – 158 с.
2. Андреева, Т. В. Семейная психология : учеб. пособие / Т. В. Андреева. – СПб. : Речь, 2004. – 244 с.
3. Васильева, О. С. Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека / О. С. Васильева, Е. А. Демченко // Вопр. психологии. – 2001. – № 2. – С. 74–85.
4. Ерёмина, Е. К. Диагностика и коррекция жизненной стратегии личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Е. К. Ерёмина ; Северо-Кавказ. гос. техн. ун-т. – Ставрополь, 2000. – 157 с.
5. Карпинский, К. В. Человек как субъект жизни / К. В. Карпинский. – Гродно : ГрГУ, 2002. – 175 с.
6. Крайг, Г. Психология развития / Г. Крайг, Д. Бокум. – 9-е изд. – СПб. : Питер, 2005. – 940 с.
7. Логинова, Н. А. Развитие личности и её жизненный путь / Н. А. Логинова // Принцип развития в психологии / Н. А. Логинова, Л. И. Анциферова. – М. : Академия, 1978. – С. 156–166.
8. Олифирова, Н. И. Психология семейных кризисов / Н. И. Олифирова, Т. А. Зинкевич-Куземкина, Т. Ф. Валента. – СПб. : Речь, 2006. – 260 с.

9. Столин, В. В. Психологические основы семейной терапии / В. В. Столин // Вопр. психологии. – 1982. – № 4. – С. 104–115.

10. Хьелл, Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб. : Питер, 2003. – 608 с.

*Д. В. Чеховская (Л. А. Евтухова)
Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЗАВИСИМОСТИ СКОРОСТИ СЛОЖНОЙ ЗРИТЕЛЬНО-МОТОРНОЙ РЕАКЦИИ ОТ ОСНОВНЫХ СВОЙСТВ ТЕМПЕРАМЕНТА

Темперамент включает в себя общую психофизиологическую активность человека, его эмоциональность, которые ярко проявляются в стиле деятельности и способе поведения. Особенности темперамента отражаются не только в поведении и сфере чувств человека, но и в его побуждениях и действиях, в характере интеллектуальной деятельности, особенностях речи. Именно по этим компонентам, характеризуется темперамент школьника: как он работает в течение продолжительного времени, как преодолевает трудности, какой путь при этом выбирает, как сосредотачивается на работе, реагирует на замечания, поступки других людей, ведет себя в привычных и сложных ситуациях. Этими особенностями, в последствие, в значительной мере обусловлено формирование всех качеств личности и характера человека [1].

Свойства темперамента, определяя динамическую сторону личности, наиболее устойчивы и постоянны по сравнению с другими психическими особенностями человека. Основными компонентами темперамента являются: общая психологическая активность; эмоциональность. От темперамента зависят скорость возникновения психических процессов и их устойчивость, темп и ритм деятельности и поведения, интенсивность психических процессов. Темперамент накладывает отпечаток и на другие особенности психики [2].

Исследование функциональных возможностей центральной нервной системы по скорости и точности выполнения различных сенсомоторных проб является высокочувствительным методом, который позволяет выявить функциональные сдвиги в условиях изменяющейся обстановочной афферентации. В ходе выполнения зрительно-моторной пробы у испытуемого формируется функциональная система, направленная на достижение минимального результата времени реагирования на сенсорный стимул. Стабильность функциональной системы определяется спецификой межполушарных взаимодействий. Так, по мнению большинства авторов, время

реакции в большей степени зависит от активности нижнетеменной области правого полушария, так как в этой области метаболическая активность выше, чем в левой [3].

Исследования по определению основных свойств темперамента и скорости сложной зрительно-моторной реакции школьников проводили в ГУО «Средняя школа №2 им. В. М. Колесникова» г. Рогачева. В исследовании приняло участие 162 учащихся в возрасте от 15 до 18 лет. Из которых учеников 9-ых классов 63 человека, 10-ых классов- 47 и 11-ых классов 52 человека. Испытуемым были предложены следующие тест-вопросники: Б. Н. Смирнова, Л. Н. Собчик и компьютерная программа по определению скорости сложной зрительно-моторной реакции.

Сравнение скорости сложной зрительно-моторной реакции экстравертов и интровертов показывает, что у экстравертов всех возрастных групп скорость сложной зрительно-моторной реакции больше чем у интровертов. Это объясняется тем, что у экстравертов высокий уровень возбуждения и это позволяет им принимать больше информации в единицу времени.

Сравнение скорости сложной зрительно-моторной реакции учащихся со свойствами активности и пассивности показало, что если применять активность к предметной деятельности, то она означает амплитуду и силу связанных с ней движений. Темп в предметной деятельности обуславливается количеством производимых операций, движений за определенное количество времени. Именно от темпа и активности и зависит непосредственно продуктивность деятельности, связанной с движением. Если не предъявлять других требований к соответствующим действиям.

В сравнении скорости сложной зрительно-моторной реакции учащихся с таким свойством темперамента, как тревожность видно что, у школьников всех возрастных групп у которых тревожность находится в норме скорость реакции сложной зрительно-моторной реакции выше, чем у школьников с умеренно выраженной тревожностью.

Тревожность оказывает противоречивое влияние на формирование регуляторных свойств. При высокой тревожности отмечается неуверенность в себе, слабый самоконтроль эмоций и поведения, низкая гибкость саморегуляции и способности к моделированию. Поскольку тревожность, беспокойство, как правило, связаны с неуверенностью в своих силах, эмоциональной неустойчивостью, ранимостью, то становится ясно, что это затрудняет процесс адекватного и быстрого реагирования на изменения ситуации.

Установлено, что в школьном возрасте у детей имеется характерная динамика скорости сложной зрительно-моторной реакции, при этом скорость реакции постепенно увеличивается и приходит к постоянному значению к 18-20 годам. Это связано с анатомо-физиологическими процессами, протекающими в зрительной и нервной системах. У детей с заболева-

ниями, влияющими на зрительно-моторную систему, например с детским церебральным параличом, наблюдается достоверное снижение скорости реакции в 3–5 раз, что негативно влияет на их процесс обучения и возможную профессиональную деятельность.

Список литературы

1. Абрамов, Р. С. Введение в практическую психологию / Р. С. Абрамов. – М.: Академический Проект, 2003. – 496 с.
2. Павлов, И. П. Полное собрание сочинений / И. П. Павлов. – Т. 3. – Книга 2. – М., СПб, 1951. – 269 с.
3. Тарасова, А. Ф. Исследование времени простой и сложной зрительно-моторной реакции учащихся / А. Ф. Тарасова, Н. В. Селиверстова, Л. В. Жданкина // Физиология и психофизиология мотиваций. – № 28. – Воронеж: ВГУ. – 2000. – С. 52–54.

Д. В. Чикилёва (О. В. Леганькова)
Минск, БГПУ имени М. Танка

ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Проблема личностного становления ребёнка дошкольного возраста в условиях социальных отношений привлекала внимание выдающихся отечественных учёных, таких, как Л. И. Божович, Л. С. Выготский, А. В. Запорожец, В. Т. Кудрявцев, Д. И. Фельдштейн, Д. Б. Эльконин и др.

По мнению, Л. С. Выготского, источником развития личности, является социальная среда, он впервые вводит понятие «социальная ситуация развития» [1] – специфическое для каждого возраста отношение между ребенком и социальной средой. Взаимодействие ребенка со своим социальным окружением, воспитывающим и обучающим его, и определяет тот путь развития, который приводит к возникновению возрастных новообразований.

Современные ученые описывают понятие социальной ситуации развития через систему требований, которые предъявляются «миром взрослых» к ребенку, и тех прав, которые ему этим «миром» предоставляются (А. Н. Веракса). Именно в такой ситуации у ребенка появляется возможность не только присвоить социальный опыт, но и сделать шаг в своем развитии. Уточняется, что социальная ситуация развития выступает как источник развития деятельности, позволяет реализоваться взятой на себя социальной роли, которую выполняет ребенок в тех или иных отношениях (А. Г. Асмолов).

Базовое противоречие социальной ситуации развития ребенка дошкольного возраста – преодоление разрыва между его стремлением быть как взрослый и невозможностью реализовать это стремление непосредственно. Стремительное изменение социокультурной среды требует уточнения от психологической теории и практики специфики современной социальной ситуации детей дошкольного возраста.

Обобщив фундаментальные академические исследования последних лет, академик Д. И. Фельдштейн, обозначил значимые изменения современного детства: резкое снижение развития у детей всех видов познавательных процессов; уход из жизни ребенка сюжетно-ролевой игры; снижение у дошкольников любознательности и произвольности; недостаточная сформированность мелкой моторики, графических навыков, которые указывают на незрелость соответствующих мозговых структур; значительное снижение социальной компетентности и самостоятельности в принятии решений; рост «экранной» зависимости; ограничение общения со сверстниками, появления чувства одиночества, растерянности, неверия в себя; рост каждые 10 лет на 10–15 % основных форм психических заболеваний; увеличение численности одаренных детей [2]. Называются различные социальные причины описанных негативных проявлений: недостаток качественного общения в системе «ребенок – взрослый», рост «экранной» зависимости, ограниченное общение со сверстниками, маркетингизация детской субкультуры и другие.

Важным условием возможности преодоления негативных тенденций является более глубокое изучение реальных параметров социальной ситуации жизнедеятельности современных детей дошкольного возраста. Эмпирическое исследование по данной проблематике было реализовано автором в 2017 году на базе ГУО «Ясли-сад № 34 г. Жлобина», в нем приняли участие обучающиеся старшего дошкольного возраста (n=28) и их родители (по одному на каждого ребенка).

В качестве компонентов социальной ситуации развития изучались: тип взаимодействия «родитель – ребенок» («Родительское сочинение» Шведовской А. А.), а также переживание ребенком разных аспектов социальной ситуации развития в условиях семьи и учреждении дошкольного образования (Беседа, включающая в себя три блока неоконченных предложений: «Я и моя семья», «Я и детский сад», «Я и другие люди»).

По результатам эмпирического исследования выделены пять типов детско-родительского взаимодействия с преобладанием неконструктивных типов. Наиболее выраженным оказался доминантный стиль руководства «родитель – диктатор» (40 %), также, достаточно распространенным оказался противоположный тип с доминирующим ребенком «ребенок – диктатор» (30 %). Встречались конфликтный и дистантный типы

взаимодействия (по 10 %). Вызывает тревогу то обстоятельство, что лишь у 10 % семей преобладает – гармоничный тип взаимодействия.

Сравнительный анализ особенностей родительских сочинений показывает, что существуют значительные различия в образе ребенка и отношений с ним при различных типах родительско-детского взаимодействия. При конфликтном типе, родители больше ориентированы на внешние особенности ребенка: физическую активность, внешность, особенности общения, достижений, их беспокоит физическое благополучие и непослушание ребенка, слабая ориентация родителей на эмоционально-личностные свойства. Гармоничному типу, наоборот, характерна ориентация родителей на положительные личностные качества ребенка, где наиболее часто упоминаемое качество ребенка – «доброта». Дистантному типу важна самостоятельность ребенка, родители отмечают в ребенке большую зрелость, по сравнению со сверстниками. Подчиняющийся родитель, отмечает в ребенке хорошо развитые коммуникативные и волевые качества, речевую активность и любознательность, родители этого типа говорят об опасениях, связанных с личностным развитием ребенка и о своем неумении воздействовать.

Исследование переживания ребенком разных аспектов социальной ситуации развития в условиях семьи и учреждении дошкольного образования показало, что самым значимым для детей старшего дошкольного возраста являются его семья, родители, близкие люди. Дети хотят быть похожими на своих родителей, родственников, но чаще всего на маму. Папа в представлении ребенка постоянно устает, пассивен, лежит у телевизора или сидит за компьютером. Дети убеждены, что нужны своей семье, родители испытывают в них потребность, не могут жить без них. При этом внутри семьи ребенок часто испытывает одиночество, ему не хватает общения с родителями, особенно, совместных действий, общих событий. Из материальных ценностей наиболее привлекательным выступает компьютер, который дети рассматривают как самый главный объект материального мира взрослых.

Учреждение дошкольного образования в целом является привлекательным для детей: там есть много сверстников и никогда не бывает скучно, ребенку предоставляется широкое поле деятельности, всегда есть чем заняться, продемонстрировать свои возможности. Среди детских видов деятельности преобладает игра. Своих воспитателей дети воспринимают положительно, стремятся понять и объяснить их настроение, замечают в них лучшее, идеализируют, некоторых любят, считают своими друзьями.

В целом полученные данные согласуются с тенденциями описанными ранее и требуют дополнительного анализа. Следует добавить, что понима-

ние и целенаправленное формирование социальной ситуации развития детей дошкольного возраста в условиях семьи и учреждения дошкольного образования как развивающей на современном этапе выступает залогом социальной стабильности.

Список литературы

1. Выготский, Л. С. Детская психология / Л. С. Выготский // Собрание сочинений в 6 т. : Т.4. – М. : Педагогика, 1984. – 432 с.

2. Фельдштейн, Д.И. Сущностные особенности современного детства и задачи теоретико-методологического обеспечения процесса образования / Д. И. Фельдштейн // Мир психологии. – 2009. – № 1 (54). – С. 211 – 218.

А. В. Шевцов (Е. Г. Богдан)
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

ВЗАИМОСВЯЗЬ САМОСОЗНАНИЯ И ВЫБОРА КАК СПОСОБА САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Важные аспекты самореализации личности осуществляются в юношеском возрасте, поскольку это возраст открытия своего «Я», с одной стороны, и возраст оформления мировоззрения, с другой (Л.С. Выготский). В этот период молодой человек начинает воспринимать и осмысливать свои мысли, чувства, действия уже не как производные от каких-то внешних событий, а как состояния собственного «Я» (Ш. Бюлер, Р. Бернс, Д. Б. Эльконин, Л. И. Божович). Ряд исследований подтверждает роль прошлых и будущих образов «Я» как мотивационные составляющие поведения (Ж. Нюттен, К. Шутц, Х. Маркус, П. Нуриус). Юноши и девушки придают значение не только результатам своей внешней деятельности, но и внутренней – тому, что они представляют собой, исходя из осуществления ими тех или иных поступков (К. Попельский).

Отметим, что вопрос взаимосвязи самосознания и выбора в юношеском возрасте как важнейших компонентов самоактуализации личности не ставился, что и стало целью нашего исследования.

Для выявления особенностей содержательно-временной структуры образа «Я» использована проективная методика ранжирования ценностей. С целью изучения качественных особенностей рефлексивных процессов использован тематический апперцептивный тест Г. Мюррея (ТАТ). При анализе рассказов респондентов нас интересовало также, присутствуют ли ситуации выбора, и каковы их качественные особенности.

В исследовании приняли участие 50 учащихся «Турецкого учебно-педагогического комплекса детский сад-средняя школа» и «Лукской средней школы» в возрасте 15–17 лет, 50 студентов и 10 магистрантов БрГУ им. А. С. Пушкина в возрасте от 17 до 24 лет.

Анализ данных позволил выделить четыре уровни самосознания в юношеском возрасте. Первый – отличает полное отсутствие показателей рефлексии (44,6%). Участники не склонны анализировать собственный внутренний мир и, даже при его описании, касаются лишь очевидных сторон: «Человек стоит под фонарем, ожидает встречи с другом. Долго не виделись. Думает, что сказать» (*описательная рефлексия*). Временной спектр «Я» раскрывается лишь в одном аспекте – «здесь и сейчас» без обращения к «Я в прошлом» или к «Я в будущем» («*Я актуальное*»). Содержание ценностей утилитарно-гедонистическое. Например, ценность «свобода» интерпретируется как «неограниченность в удовлетворении своих потребностей». Второй уровень самосознания – наличие слов, указывающих на рефлексивные процессы: персонаж «анализирует», «сопоставляет», и – противоречий в его внутреннем мире (21,8 %). «Девушка ушла домой, но лучше бы она осталась с друзьями на вечеринке». Очевидно обращение к внутреннему миру, но важную роль играют социальные условия (*социально-психологическая рефлексия*). Содержание ценностей утилитарно-гедонистическое. У 18,3% выявлено «*Я актуальное*», но у 3,5% уже «*Я изменившееся*»: наличие субъективного опыта саморазвития. Третий уровень самосознания – обнаружены не только слова, указывающие на рефлексивные процессы и противоречия внутреннего мира персонажей, но также внутренние действия (11,8 %). «Юноша вспоминает девушку, которую обидел и винит себя за то, что сказал ей плохие слова. Поразмыслив, понял – следует научиться выражать свои мысли». Очевидно обращение к внутреннему миру, где важную роль играет образ «Я» личности (*социально-личностная рефлексия*). Ценности приоритетны трансцендентного содержания, иначе интерпретируемые по сравнению с первой и второй группой. Например, ценность «свобода» – «возможность делать что-то независимо от других». У 7,3 % – выявлено «*Я потенциальное*»: осознание ценностного содержания своего образа «Я в будущем» как отличного от «Я реального», но у 4,5 % – все еще «*Я изменившееся*». Четвертый уровень самосознания (19,1 %) – выявлено не только указание на рефлексивные процессы, противоречия внутреннего мира и внутренние действия у персонажей, но и следующий факт. Ценности трансцендентного содержания не просто выходят на первые места, но являются неотъемлемой частью образа «Я», т.е. они включены во внутренний план. Например, ценность «свобода» понимается этими участниками как «мой внутренний выбор, за который я несу ответственность». Преобладает «Я актуализированное потенциальное»

(13,7 %): опыт изменения образа «Я» как в прошлом, так и в будущем. Но одна часть все еще имеет «Я потенциальное» (2,7 %), а другая часть даже «Я изменившееся» (2,7 %). У 2,7 % – выявлены противоречивые данные, не позволившие отнести их к тому или иному уровню самосознания.

Анализ рассказов респондентов на предмет наличия у них ситуаций выбора (ТАТ) и качественных особенностей этих ситуаций позволил выделить четыре вида выбора в юношеском возрасте. Субъективная нечувствительность к ситуациям выбора характерна 23,6 % участников, в чьих рассказах не выявлены показатели таких ситуаций: «Человек решил закрыть окно, потому что стало холодно. Я бы сделал тоже, будь на его месте» (*отсутствие субъективного опыта выбора*). Выбор между разными вариантами поведения в конкретных обстоятельствах присущ 41,8 % респондентов: «Человек стоит под фонарем, кого-то-то ждет, думает стоять дальше или уйти. Решает пойти домой». В подобных ситуациях рефлексия и размышления о том, как конкретное поведение может повлиять на образ «Я» не функционируют, решение принимается под влиянием внешних обстоятельств (*ситуативный выбор*). Выбор эмоционального благополучия выявлен у 15,5 % респондентов, как правило, в пространстве межличностных отношений. Он связан с вопросами, как следует себя вести при столкновении различных интересов и взглядов. При принятии решения возникает желание сохранить стабильность: «Женщина пытается удержать мужчину. В ее глазах непонимание, желание остановить его. В его глазах твердое и непоколебимое желание уйти». Эти участники субъективно переживают наличие противоположных вариантов поведения, осознают эмоциональные последствия каждого из них для самих себя, но главным аргументом выбора является стремление сохранить внутренний комфорт. Оказавшись в противоречивой ситуации, 19,1% участников начинают размышлять о принятых ими ранее правилах и нормах, подвергая их проверке, о вариантах последствий для внутреннего мира нарушения и соблюдения этих норм (*моральный выбор*). «Обижена женщина. Видя это, парень решает отстоять ее честь и достоинство, не смотря на то, что сам может пострадать. Я бы также заступился, будь на его месте, ведь непозволительно обижать других».

Для выявления взаимосвязей самосознания и выбора как способа самореализации мы сопоставили обнаруженные данные (таблица 1). Анализ данных позволил выявить четыре способа самореализации в юношеском возрасте. Первый – отсутствует опыт выбора во взаимосвязи с первым уровнем самосознания (20,9 %). Второй – ситуативный выбор (41,8 %) во взаимосвязи, либо с первым (23,7 %), либо со вторым (18,1 %). Третий – выбор, как правило, эмоционального благополучия (11,8 %) во взаимосвязи со вторым уровнем самосознания (2,8 %), либо с третьим (11,8 %). Четвертый – моральный выбор во взаимосвязи с четвертым уровнем самосознания

(19,1 %). У 2,7 % выявлены противоречивые данные, не позволившие отнести их к тому или иному способу самореализации.

Таблица 1. – Взаимосвязи самосознания и выбора в юношеском возрасте (в процентах к количеству респондентов от всей выборки)

Выбор \ Самосознание	1 уровень	2 уровень	3 уровень	4 уровень
Отсутствует субъективный опыт выбора	20,9	0,9	–	–
Ситуативный	23,7	18,1	–	–
Эмоционального благополучия	–	2,8	11,8	–
Моральный	–	–	–	19,1

Итак, исследование показало, что способ самореализации в юношеском возрасте зависит от взаимосвязи выбора молодых людей с уровнем их самосознания. Чем выше уровень развития самосознания, тем чаще выбор характеризуется личностными и нравственными аспектами. Значит, для того чтобы современные юноши и девушки реализовывали собственную личность, необходимо развивать их самосознание.

*Ю. С. Щербакова (М. П. Осипова)
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*

УЧЕТ РОДИТЕЛЯМИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В РАЗВИТИИ ИХ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Эстетическое воспитание – важнейшее направление воспитания учащегося младшего школьного возраста. В процессе данного вида воспитания развиваются существенные стороны личности: способность относиться с нужной степенью отзывчивости на различные воздействия эстетического порядка, получать адекватные впечатления от восприятия прекрасного в различных его формах и т.п. Младший школьник с развитым эстетическим отношением к жизни не чувствует себя обособленным в ней. Чувствительность к прекрасному, фантазия и воображение помогают ребенку наделять предметы эстетическими качествами, стремиться к преобразованию окружающего мира и др.

К психологическим возрастным особенностям младших школьников, обуславливающим специфику процесса развития эстетической культуры, ученые относят наглядно-образное мышление, эмоциональность, восприимчивость, впечатлительность, неустойчивость интересов,

непроизвольное внимание, моторную активность, деятельностный характер, ориентацию учащихся на процесс, желание продемонстрировать себя [1]. Детей младшего школьного возраста отличает эмоциональная непосредственность. Их часто затрагивает степень реалистичности произведения, что побуждает к его оценке. Накопление эстетических впечатлений и воплощение собственных художественных образов, особенно в семейном окружении, являются для детей данного возраста не столько средством наслаждения, сколько средством самовыражения и развития творческой активности. Эмоциональное восприятие, осмысление, переживание и воспроизведение художественного образа позволяют активизировать процесс эстетического восприятия.

Развитие у ребенка эстетического отношения к действительности, к искусству возможно только как управляемый, а не стихийный, спонтанный процесс. Целенаправленное педагогическое воздействие, вовлечение детей в разнообразную художественную творческую деятельность, по мнению Б. Т. Лихачева, способны развить их сенсорную сферу, обеспечить глубокое постижение эстетических явлений, поднять до понимания подлинного искусства, красоты действительности и прекрасного в человеческой личности [2].

Следует отметить, что семья играет важную роль в процессе приобщения учащихся к эстетической культуре. Именно в семье закладывается моральный фундамент растущей личности. Отношения между членами семьи ребенок в последующем проектирует на свои отношения с окружающими. Родители для ребенка являются непререкаемым авторитетом, поэтому духовный фундамент семьи, традиции – исключительно важные средства в развитии ребенка. Одним из наиболее важных условий воспитания, направленного на развитие эстетической культуры, ученые определяют эстетизацию окружающего ребенка семейного быта. Анализ теоретических источников показывает, что имеется внешняя и внутренняя сторона эстетизации [3]. К внешним условиям относятся взаимоотношения членов семьи, окружающая предметная среда. Наиболее важной является внутренняя сторона эстетизации – интеграция художественных средств во все области семейной жизни. Художественный компонент затрагивает эмоциональную сферу личности ребенка, его чувства, знания становятся личностным достоянием. Эстетизация предполагает укрепление масштаба и углубление ценностных ориентаций ребенка в области развития его эстетической культуры.

Содержание эстетического развития в семье включает: личный пример родителей; совместное пение, рисование, чтение книг; беседы; эстетика быта. Следует отметить, что родители являются первыми представителями эстетического идеала ребенка. Опрятно одетые члены семьи, атмосфера взаимного уважения, искренние эмоции, умение выражать свои чувства словом, наличие дисциплины и правил поведения – основа, на которой строится эстетиче-

ское сознание ребенка. Так, воспитание музыкального вкуса начинается с пения колыбельных песен, потешек, детских песен как отдельно матерью, так и совместно с ребенком. Умение ценить произведения искусства, способность к созидательному творчеству развивает интерес к рисованию. Употребление различных техник (карандаш, гуашь, акварель, фломастеры и др.) помогает ребенку знакомиться с цветами, их сочетаниями, развивает способность видеть форму и содержание. Чтение книг помогает детям осознать возможности родного языка, научиться использовать слово в качестве инструмента выражения эмоций. Эстетика быта, к созданию которой следует подключать и ребенка, включает дизайн детской комнаты, общее оформление жилого пространства: картины на стенах, живые цветы, порядок, чистота. Все это с самого раннего детства, как свидетельствует наш опыт работы с семьями, формирует у ребенка внутреннее чувство прекрасного, которое затем находит свое выражение в эстетическом сознании.

Существенная особенность развития эстетической культуры младших школьников состоит в том, что в ходе этого процесса формируются не только умение верно воспринимать красоту жизни и искусства, но и активная нетерпимость ко всему безобразному, потребность создавать прекрасное, преобразовывать жизнь по законам красоты. Все эти качества в человеке развиваются под воздействием различных факторов, одним из которых является жизнедеятельность семьи. Воспитательное значение для учащихся имеют совместные походы, экскурсии на природу и т.п. Как свидетельствует проводимая нами опытно-экспериментальная работа, развитие эстетической культуры младших школьников в семье имеет большое значение в формировании личности ребенка.

Список литературы

1. Любимова, Ю. С. Психолого-педагогические особенности эстетического воспитания учащихся младшего школьного возраста / Ю. С. Любимова // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя гуманітарных і грамадскіх навук. – 2007. – № 3. – С. 128–133.

2. Лихачев, Б. Т. Теория эстетического воспитания школьников : учебное пособие по спецкурсу для студентов пед. институтов / Б. Т. Лихачев. – М. : Просвещение, 1985. – 176 с.

3. Котикова, О. П. Эстетическое воспитание младших школьников : пособие для учителей, педагогов внешк. учреждений / О. П. Котикова, В. Г. Кухаронак. – Мн. : Научно-методический центр учебной книги и средств обучения, 2001. – 192 с.

*С. В. Якимович (А. В. Северин)
Брест, УО БрГУ имени А. С. Пушкина»*

ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ТРЕВОЖНОСТИ У ПОДРОСТКОВ

Современный мир сложно представить без компьютера, который стал уже неотъемлемой частью нашей жизни. Работа за компьютером и использование ресурсов Интернета в некотором смысле полезны для человека (как средства развивающие логику, внимание и мышление), но проблемы появляются у пользователей компьютера тогда, когда время, проводимое за компьютером, превосходит допустимые пределы и возникает патологическое пристрастие и желание находиться за компьютером все больше и больше времени.

Одними из первых феномен Интернет-зависимости исследовали К. Янг и А. Голдберг [1; 2]. Интернет-зависимость – это навязчивое желание войти в Интернет, находясь офлайн, и неспособность выйти из интернета, будучи онлайн. Интернет-зависимость формирует целый ряд психологических проблем: конфликтное поведение, депрессии, уход в виртуальный мир от реальной жизни, трудности адаптации в социуме, потеря способности контролировать время пребывания за компьютером.

Актуальность исследования заключается в том, что в настоящее время происходит стойкое увеличение количества подростков – пользователей интернета, также прослеживается проблема чрезмерного использования интернета, что характеризуется отрицательным воздействием на психику, также недостаточная описанность данных вопросов в научной литературе [3].

Подростковый возраст очень не устойчивый, это переход от детства к взрослости, один из самых сложных и кризисных периодов, очень часто у них ярко проявляется тревожность. Конечно, причины возникновения тревожности в подростковом возрасте могут быть самыми разнообразными, это например, неправильное воспитание, школьные фобии, ссоры со сверстниками, принятие изменений в себе [4].

Понятие тревожность в психологии определяется как индивидуальная психологическая особенность, которая проявляется в склонности человека к частым и интенсивным переживаниям состояния тревоги. Различные аспекты тревожности исследовали ученые: А.И. Захаров, А.М. Прихожан, А. Адлер, С. Салливен, Ч. Спилберг, Э.Фромм и др. К основным видам тревожности относятся, выделенные Ч. Спилбергом ситуативная и личностная тревожность (ситуативная тревожность, то есть обусловленная конкретной ситуацией, которая объективно вызывает беспокойство); личностная тревожность (лич-

ностная черта, которая проявляется в постоянной склонности к переживаниям тревоги в самых разнообразных жизненных ситуациях) [4; 5].

С целью изучения влияния интернет-зависимости на уровень тревожности подростков было проведено исследование.

В исследовании приняли участие 30 подростков в возрасте 14–17 лет, обучающихся в Брашевичской средней школе Дрогичинского района.

Для диагностики уровня тревожности был применялась методика: тест тревожности, разработанный Ч.Д. Спилбергом. Для определения уровня интернет-зависимости – опросник Кимберли Янг. Выбор именно таких методик был обусловлен тем, что они позволяют определить личностную тревожность, то есть как человек себя чувствует обычно, и определить пристрастие к интернету вне зависимости от этого пристрастия.

Полученные результаты показали, что большинство опрошенных подростков – 60%, имеют высокий уровень тревожности. У 56,7% из этих же подростков также выявлен высокий уровень интернет-зависимости, что указывает на существование у них проблемы чрезмерного увлечения интернетом. Для подтверждения предположения о том, что интернет-зависимость негативно воздействует на личность, формируя тревожность и чем выше интернет-зависимость, тем выше уровень тревожности проводился сравнительный анализ полученных результатов. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена равен 0,52. Данная корреляционная связь значима на 1% уровне статистической значимости. Следовательно, показатели тревожности подростков и интернет-зависимости связаны положительной корреляционной зависимостью, то есть чем выше показатель тревожности у подростков – тем выше у них и показатель интернет-зависимости.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что интернет-зависимость негативно влияет на личность подростка. Он становится более раздражительным, повышается уровень тревожности, преобладают негативные эмоциональные переживания. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в практической деятельности педагогами-психологами и специалистами, которые работают с молодежью и сталкиваются с проблемами тревожности и интернет-зависимости, при разработке профилактических и коррекционных программ для подросткового и юношеского возраста.

Список литературы

1. Янг, К. Диагноз – Интернет-зависимость / К. Янг // Мир Интернет. – 2000. – №2. – С. 24–29.
2. Балонов, И. М. Компьютер и подросток / И. М. Балонов. – М. : Эксмо, – 2002. – 319 с.

3. Войскуновский, А. Е. Интернет – новая область исследований в психологической науке / А. Е. Войскуновский // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. – Выпуск 1. – М. : Смысл, 2002. – С. 82–101.

4. Обухова, Л. Ф. Возрастная психология / Л. Ф. Обухова. – М. : Педагогическое общество России, 2004. – 442 с.

5. Прихожан, А. М. Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст / А. М. Прихожан. – СПб. : Питер, 2007. – 192 с.

*Н. Н. Янушкевич (Е. А. Бай)
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина*

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЯХ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Семейные ценности – это эталоны и идеалы, передаваемые из поколения в поколение, выступающие в качестве фундамента построения взаимоотношений в семье, а также моделей поведения в разных сферах жизнедеятельности. Семейные ценности обусловлены уникальностью и социальной значимостью семьи и дифференцируются по внутрисемейным связям: ценности, связанные с супружеством, с родительством, с родством. Понятие «семейные ценности» состоит из двух ключевых слов: «семья» и «ценность».

Семейные ценности С. П. Акутина определяет как духовно-нравственные ориентиры, социально-одобряемые и разделяемые большинством людей, которые выступают в качестве эталона, идеала для всех людей и определяют целенаправленный процесс создания идеальной семьи. Семейные ценности входят в психологическую культуру личности каждого члена семьи в виде важного источника мотивации его поведения [1, с. 52]. Ролевая структура семьи в значительной степени определяется ведущими семейными ценностями, иерархия которых развивается на протяжении жизненного цикла семьи и отражает изменение значимости ее функций. В свою очередь, семейные ценности, представляя собой взаимосвязь моральных, культурных, нравственных, традиционных и национальных особенностей в малой группе, становятся основой создания представлений об идеальном браке и о будущем супруге [2, с. 136].

В современных социальных и гуманитарных науках семейными ценностями считают: значимость родства; особая роль отца в семье; семейно-свадебная обрядность; супружеская верность; уважение и любовь между членами семьи; родительство (материнство и отцовство); общность хозяйственных интересов; домашний очаг [3, с. 290].

Формирование представлений о семейных ценностях осуществляется в процессе социализации человека, но юношеский возраст является наиболее сензитивным для решения этой задачи. В этот период происходит становление личностной и социальной зрелости, интенсивное формирование системы ценностных ориентаций. В юношеском возрасте усваиваются супружеские роли, устанавливаются более зрелые отношения со сверстниками обоих полов, развивается готовность принять на себя ответственность, связанную с семьей, формируются сценарии реализации социальных и биологических ролей отца и матери, установки и ожидания в супружеских и родительно-детских отношениях. В какой степени современные юноши и девушки соответствуют нормативным требованиям?

Нами был проведен опрос юношей и девушек в возрасте 16-17 лет с применением опросника «Семейные ценности» (автор – М.В. Мартынова). Результаты исследования показывают, что в понимании старшеклассников семейные ценности нужны прежде всего для удовлетворения потребностей членов семьи в принадлежности, во взаимопонимании и поддержке (40%), во-вторых, для культурного и духовного обогащения членов семьи (20%), а также для формирования жизненных ценностей у подрастающего поколения (30%). При этом 10% старшеклассников полагают, что семейные ценности нужны человеку для того, чтобы быть частью общества. По их мнению, отодвинуть семейные ценности на второй план могут ориентация молодежи на индивидуализм и потребительство, слабая преемственность между поколениями.

Большинство старшеклассников (70 %) убеждены в необходимости соблюдения семейных традиций. Доминирующей выступила традиция празднования значительных событий в семье: юбилеев, успехов и т.д. (55 %). У четверти семей (25 %) имеет место норма совместного обсуждения и решения семейных проблем. Совместное обсуждение важных покупок как традицию отметили 15 % опрошенных, а совместный завтрак/ужин только 5 %. При этом настораживает тот факт, что 75 % старшеклассников не хотели бы перенять опыт семейных отношений у своих родителей, так как считают семейные отношения уникальными, либо у родителей сложились неудачные отношения.

Для опрошенных старшеклассников наиболее важными семейными ценностями являются: ценности любви – духовная и физическая близость, общность взглядов, готовность принимать на себя определенные обязательства, заботиться о другом человеке, разделять с ним быт (60 %). Далее по значимости следуют ценности родительства, предполагающие любовь к детям, заботу о них (15 %), затем – ценности семейной жизни – образ жизни, быт, семейный уклад (20 %). Лишь 5 % опрошенных в качестве наиболее

важной для них ценности назвали такие важные показатели как устойчивость семьи, крепость родственных уз, забота о старших и младших, уважение.

Примечательно, что только половина респондентов уверены в том, что наилучшим образом они могут приобщиться к семейным ценностям при взаимодействии семьи и школы. Другая половина видит источник формирования в собственном опыте (25 %), в школе (15 %) и «на улице» (10 %).

Таким образом, результаты нашего эмпирического исследования позволяют сделать вывод, что старшеклассники правильно понимают смысл и назначение семейных ценностей. Они положительно относятся к таким семейным ценностям как любовь и продолжение рода, нейтрально – к ценности почитания родителей, заботы о младших, культуры быта, и, к сожалению, пренебрежительно относятся к семейной ценности – забота о старших. Половина не рассматривает важнейшие институты социализации (семью и школу) как источник освоения этих ценностей, что может свидетельствовать о достаточно глубоком противоречии между их социальной ролью и ее реализацией в современных условиях.

Список литературы

1. Акутина, С. П. Семейный уклад в воспитании духовно-нравственных ценностей школьников / С. П. Акутина // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 2. – С. 51–54.

2. Агаджанова, Э. Р. К вопросу о семейных ценностях : от античности к современности / Э. Р. Агаджанова, О. И. Ефимова // Симбирский научный вестник. – 2015. – № 2. – С. 134–139.

3. Федулова, А. Б. Семья и семейные ценности в современных социальных и гуманитарных науках / А. Б. Федулова // Актуальные проблемы современного общества в контексте социальной работы / под ред. проф. Р. И. Даниловой. – Архангельск : КИРА, 2010. – С. 288–310.